

во Христѣ (с. III, р. 56—59). Какъ извѣстно, Аммоній ничего не писалъ, и историковъ очень интересуесть вопросъ, откуда Немезій взялъ свои свѣдѣнія объ ученіи этого неоплатоника. Г. Владимірскій немножко затрагиваетъ этотъ вопросъ только по поводу первой изъ названныхъ цитатъ, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 182 первой части, гдѣ онъ кратко упоминаетъ со словъ Доманьскаго о мнѣніяхъ Целлера, Вапро и Тединги. Что же касается второй, самой важной и очень длинной, цитаты, то съ нею онъ поступаетъ такъ: за исключеніемъ первыхъ словъ, гдѣ называется имя Аммонія, онъ излагаетъ все ея содержаніе какъ аргументацію самого Немезія, приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сходныя съ нею мѣста изъ Плотина (I, 158—163; сравн. II, 300—301 примѣч., гдѣ отрывки изъ этой цитаты воспроизводятся также, какъ собственныя слова Немезія). Однако такая постановка дѣла неправильна и ненаучна. Въ настоящее время уже достаточно выяснено, что эту цитату нельзя считать ни точнымъ воспроизведеніемъ мыслей Аммонія, ни простымъ извлеченіемъ изъ Эннеадъ Плотина. По всей вѣроятности Немезій заимствовалъ ее изъ какого-нибудь болѣе поздняго, но не дошедшаго до насъ неоплатоническаго сочиненія или сборника. Конечно, вопросъ о происхожденіи обѣихъ этихъ цитатъ очень труденъ и разрѣшить его самостоятельно для автора было бы непосильною задачей; но онъ могъ по крайней мѣрѣ болѣе основательно и полно изложить то, что сдѣлано для разъясненія этой загадки историками, какъ вышеупомянутыми, такъ и другими, напр. фонъ Арнимомъ. Разобраться до нѣкоторой степени въ данномъ вопросѣ было бы для г. Владимірскаго важно и въ томъ отношеніи, что съ нимъ стоитъ въ связи другой вопросъ,—о времени жизни и дѣятельности самого Немезія. Если бы можно было признать вѣроятнымъ, что Немезій взялъ эти цитаты у Герокла, какъ думаетъ Целлеръ, то время его жизни уже нельзя было бы относить къ IV-му вѣку.

Наконецъ, однимъ изъ писателей, оказавшихъ большое вліяніе на Немезія, былъ Галенъ, служившій ему главнымъ авторитетомъ по вопросамъ анатоміи и фізіологіи. Для ознакомленія съ научными и философскими идеями этого знаменитаго врача г. Владимірскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи небольшое, но полезное пособіе въ видѣ диссертации

Евангелидеса „Zwei Kapitel aus einer Monographie über Nemesius und seine Quellen“ (Berlin, 1882), гдѣ вопросъ о зависимости Немезія отъ Галена разсматривается съ особенною подробностью. Къ сожалѣнію, авторъ не вполне исчерпалъ собранный въ этой работѣ матеріалъ и пользовался ею не всегда удачно. Такъ, на стр. 153 первой части у него встрѣчается слѣдующее недоразумѣніе. Упомянувъ о сочиненіи Аристотеля „De partibus animalium“ и о трактатѣ Галена „De usu partium“, онъ говоритъ: „Два вышеупомянутыя сочиненія (Аристотеля и Галена) Немезій, по замѣчанію Evangelides'a, какъ *ἰερὸς λόγος* и *ἕνως ἀληθινός*—направляетъ противъ ослѣпленныхъ софистовъ своего времени“. Г. Владимірскій слишкомъ хорошо знаетъ трактатъ Немезія и прежде, чѣмъ написать эту не совсѣмъ удобопонятную фразу, ему было бы естественно спросить себя: гдѣ же именно Немезій „направляетъ“ сочиненія Аристотеля и Галена „противъ софистовъ своего времени“ и гдѣ называетъ ихъ *λόγος ἰερὸς* и *ἕνως ἀληθινός*? Ничего такого въ трактатѣ „О природѣ человѣка“ нѣтъ и все это недоразумѣніе объясняется только тѣмъ, что авторъ не понялъ „замѣчанія“ Евангелидеса: „Seine wissenschaftlichen Leistungen richtet er (Galenus!) als einen *ἰερὸς λόγος* und *ἕνως ἀληθινός* gegen die verstockten und verblendeten Sophisten seiner Zeit“ etc. Смѣшавъ Немезія съ Галеномъ, онъ приписалъ первому то, что Евангелидесъ говоритъ о второмъ, и прибавилъ къ этому нѣкоторыя измышленія собственной фантазіи. Страницей раньше (152) г. Владимірскій пишетъ: „Галень, воспитанный—вѣроятно—въ традиціяхъ классической (платоновской) философіи, отводитъ“ и т. д. Очень мило это слово „вѣроятно“ объ эклектическомъ философѣ-натуралистѣ, комментаторѣ Платона, Аристотеля, Теофраста и Хризиппа! Цитируя сочиненія Галена, Немезій называетъ нѣкоторыя изъ нихъ иными именами, чѣмъ тѣ, подъ которыми они намъ извѣстны. Г. Владимірскій оставляетъ эти названія Немезія безъ объясненій и ограничивается только тѣмъ, что переводитъ ихъ съ греческаго на латинскій. Такъ, на стр. 190 онъ упоминаетъ о сочиненіи Галена „De demonstratione“, которое у Немезія цитируется подъ заглавіемъ *Οἱ ἀποδεικτικοὶ λόγοι*“. Но такого сочиненія у Галена нѣтъ. Къ какому изъ Галеновскихъ трактатовъ можетъ относиться эта цитата, выясняется у Доманьскаго (S. 9, Anm.). Слѣдовало бы

привести точное заглавіе и того сочиненія Галена, которое авторъ называетъ „Simplicia“ (191), а Немезій „Τὰ ἁπλά“. О зрѣніи Галенъ разсуждаетъ, по словамъ Немезія, не „въ 7-й Симфоніи“ (246; перев., 95), а „въ 7-й книгѣ Симфоніи“ (*ἐν τῇ ἐνδόμῳ τῆς Συμφωνίας*); подъ „Симфоніей“ же нужно разумѣть, какъ извѣстно автору, вѣроятно, трактатъ „De Hippocratis et Platonis decretis“.

На ряду съ Галеномъ у Немезія неоднократно упоминается и другой великій греческій врачъ, Гиппократъ. Но былъ ли Немезій непосредственно знакомъ съ его сочиненіями или зналъ о нихъ только по Галену, этотъ вопросъ у г. Владимірскаго не выясняется. Впрочемъ, г. Владимірскій имѣетъ, повидимому, не совсѣмъ ясное представленіе даже о самомъ времени жизни Гиппократа. Разсматривая принимаемое Немезіемъ ученіе о четырехъ „сокахъ“ или „влагахъ“, изъ которыхъ по представленіямъ древности слагались живыя тѣла, онъ пишетъ: „Такое ученіе о составѣ тѣла, по свидѣтельству Немезія, выработалось не сразу: вотъ его историческій генезисъ. Первоначально Аристотель думалъ, что тѣла животныхъ состоятъ непосредственно изъ одной крови... Но такъ какъ изъ одного и того же начала (элемента) казалось мало-вѣроятнымъ производить и твердыя кости, и мягкую плоть, и жиръ, то Гиппократъ предпочелъ признать составъ тѣлъ непосредственно изъ 4-хъ соковъ“ (131—132). Прочитавъ эту фразу, читатель съ недоумѣніемъ спроситъ: что же это за сверхъестественный „историческій генезисъ?“ Какимъ образомъ Аристотель могъ „первоначально“ думать то, о чемъ Гиппократъ въ виду несостоятельности Аристотелевскаго взгляда предпочелъ думать иначе, если Гиппократъ жилъ почти на 100 лѣтъ раньше Аристотеля? Неужели Немезій, „по свидѣтельству“ котораго все это произошло, былъ способенъ такъ перепутать хронологію и факты? Справляемся у Немезія и видимъ, что хронологію перепуталъ г. Владимірскій. Слова „первоначально“ у Немезія нѣтъ и ни о какомъ „историческомъ генезисѣ“ ученія о четырехъ сокахъ онъ не „свидѣтельствууетъ“. Онъ только сравниваетъ взгляды Аристотеля съ взглядами Гиппократа, устанавливая въ концѣ концовъ ихъ принципиальное согласіе.

Къ числу мыслителей и ученыхъ, оказавшихъ вліяніе на Немезія, по мнѣнію г. Владимірскаго, нужно присоединить

еще Филона (I, 128—130, 292—293; сравн. II, 160, 166). Однако съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что имя Филона ни разу не упоминается въ трактатѣ „О природѣ человѣка“, ни откуда вообще не видно, чтобы Немезій былъ знакомъ съ его сочиненіями и усвоилъ себѣ какія-нибудь его идеи. Ссылки на „ученіе евреевъ“ въ I главѣ (р. 15 и 22) едва ли могутъ въ какой-нибудь мѣрѣ относиться къ александрійскому іудею: онѣ представляютъ собою скорѣе, какъ это думаетъ и авторъ, непосредственное изложеніе и истолкованіе библейскаго ученія. Что же касается предположенія, будто Немезій могъ заимствовать у Филона стоическіе взгляды на природу человѣка (I, 128), то оно явно несостоятельно. Ученія стоиковъ были Немезію хорошо извѣстны и заимствовать ихъ изъ вторыхъ рукъ ему не было надобности. Болѣе основаній допустить знакомство Немезія съ сочиненіями Плутарха и знаменитаго комментатора Аристотеля, Александра Афродизскаго; но въ какой мѣрѣ оно отразилось на его идеяхъ, этого вопроса г. Владимірскій не разъясняетъ.

Чтобы покончить съ первою частью работы г. Владимірскаго, я отмѣчу въ ней нѣсколько мелкихъ, хотя иногда и довольно предательскихъ ошибокъ и недоразумѣній. На стр. 339—342 авторъ усиливается доказать, что оспариваемая Немезіемъ теорія удовольствія, какъ *γένεσις εἰς φύσιν αἰσθητήν*, не принадлежитъ киренцу Аристиппу. Но его аргументація является сплошнымъ недоразумѣніемъ, основаннымъ отчасти на неправильномъ переводѣ сейчасъ приведенной формулы, отчасти, повидимому, на недостаточномъ знакомствѣ съ ученіемъ главы киренской школы. Выраженіе: *γένεσις εἰς φύσιν αἰσθητήν* онъ переводитъ, или скорѣе объясняетъ, такъ: „происхождение, явленіе, бываніе, въ чувственной природѣ“ (339), „чувственный процессъ (явленіе) въ природѣ“ (Перев., 124). Понимаетъ ли авторъ смыслъ этихъ фразъ, не знаю; но, вѣроятно, онъ самъ согласится, что его переводъ грамматически невозможенъ. *Γένεσις εἰς φύσιν αἰσθητήν* значитъ по русски: „переходъ естественнаго влеченія въ состояніе ощущенія“. Между тѣмъ Аристиппъ такъ именно и училъ объ удовольствіи. Онъ опредѣлялъ его, какъ „легкое движеніе, переходящее въ ощущеніе“ (*λεῖτα κίνησις εἰς αἰσθησὶν ἐπαδικομένη*, Diog. Laërt., II, 85—86). Само собою разумѣется,

что свѣдѣнія объ этой теоріи Немезій заимствовалъ не у Платона, а у Аристотеля. Г. Владимірскій ошибается, что приводимый имъ на стр. 183 аргументъ противъ матеріализма „построенъ Немезіемъ самостоятельно на почвѣ Платоновской идеи“: онъ взятъ у Платона буквально. Примѣръ, посредствомъ котораго Немезій поясняетъ ученіе Аристотеля объ энтелехіи, приводится авторомъ на 194 стр. въ искаженномъ видѣ. Сказать, что, съ точки зрѣнія Аристотеля, „ново-рожденный не одаренъ никакой энтелехіей“, значило бы уже совершенно не понимать этого философа. На самомъ дѣлѣ эти слова читаются у Немезія такъ: „только что родившійся щенокъ не имѣетъ ни той, ни другой (*οὐδέτερον*) энтелехіи“, т. е. ни первой энтелехіи *глаза*, способности видѣть, ни второй его энтелехіи, самаго акта зрѣнія (с. II, р. 40—41). Этотъ примѣръ не точно переданъ г. Владимірскимъ и въ переводѣ трактата (53). Приводя на той же 194 стр. цитируемыя Немезіемъ слова Аристотеля о нераздѣльной связи души и тѣла, авторъ включаетъ въ нихъ фразу: „сама же по себѣ она (душа) не существуетъ“. Эта фраза Аристотелю не принадлежитъ и принадлежать, конечно, не можетъ; она представляетъ собой выводъ, сдѣланный самимъ Немезіемъ изъ ученія Аристотеля. На стр. 208 цитируется такое замѣчаніе Немезія: „мнѣ кажется, что Ямвлихъ не только превзошелъ Платона, но даже предвосхитилъ самую истину“; а въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ перевода (стр. 63) даже говорится, что этотъ неоплатоникъ „предвосхитилъ“ и Платона! Въ дѣйствительности Немезій пишетъ: „И мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи онъ (Ямвлихъ) лучше другихъ постигъ (*κατεστοχῆσθαι*) не только мнѣніе Платона, но и самую истину“ (с. II, р. 51). Излагая ученіе Немезія объ оміомеріяхъ, г. Владимірскій говоритъ, что къ оміомеріямъ Немезій между прочимъ причислялъ „мозговую кору или оболочку“ (132). Ту же фразу находимъ въ переводѣ (стр. 79) и въ приложенномъ къ переводу объяснительномъ словарѣ, гдѣ слово *кора* даже подчеркивается (столб. 21). Но авторъ, по незнанію анатоміи мозга, путаеъ здѣсь совершенно различныя вещи. Впрочемъ, и филологически эта путаница ничѣмъ не оправдывается. Слово *μήρυξ*, которое онъ переводитъ вышеупомянутымъ выраженіемъ, вовсе не значитъ „мозговая кора“ (о ней древніе, повидимому, не имѣли еще и понятія), а значитъ именно

„мозговая оболочка“, *dura mater* и *pia mater* (см. напр. *Aristot.*, *Hist. animal.*, 1, 16). Кстати, на той же 79 стр. перевода г. Владимірскій поясняетъ слово „связки“ (*σύνδεσμοι*) словомъ „нервные узлы“, какъ будто связки и нервные узлы одно и то же! *Κατὰ συνδεσμῶς* значитъ не „по ассоціаціи“ (I, 261; перев. 109), а „косвенно“. Хотя Немезій и понималъ законъ ассоціаціи по смежности, но влагать въ его уста этотъ терминъ было бы неправильно. Выраженіе: *κατὰ τὰς ἑκατέρου δυνάμεις* нужно переводить не „по обѣимъ силамъ“ (362; перев., 76), а „по силамъ того и другого“ (Логоса и человѣческаго естества во Христѣ). Сочиненіе *Περὶ πνεύματος*, которое, по словамъ г. Владимірскаго, „обычно приписывается Аристотелю“ (150), на самомъ дѣлѣ обычно ему не приписывается и не можетъ приписываться: оно значительно болѣе поздняго происхожденія, хотя, повидимому, и вышло изъ перипатетической школы. То же самое нужно сказать и о трактатѣ *De mundo* (*Περὶ κόσμου*), который не разъ цитируется авторомъ среди Аристотелевскихъ сочиненій и въ диссертациі (I, 68, 80), и въ переводѣ (87). Подобно предыдущему сочиненію, этотъ трактатъ подложенъ: онъ принадлежитъ какому-нибудь позднѣйшему перипатетику, желавшему примирить идеи аристотелизма съ стоицизмомъ и жившему позднѣе Посидонія, т. е. не ранѣе второй половины I в. до Р. X. Цитата изъ Доманьскаго и Зибекка на стр. 243 приведена неточно и переведена невѣрно: „das Bewusstwerden“ значитъ не „пробываніе въ сознаніи“, а „превращеніе въ сознательное состояніе“. Примѣч. 1 на стр. 184 есть плодъ недоразумѣнія: авторъ, очевидно, не понялъ разсужденій Доманьскаго и передалъ его мнѣніе о составѣ цитаты Немезія неправильно. Точно также невѣрна или, по крайней мѣрѣ, неясна ссылка на этого ученаго въ примѣч. на стр. 212. Зато на стр. 322 и 329, гдѣ авторъ заимствуетъ у Доманьскаго не только мысли, но и буквальныя выраженія, ссылокъ на него совершенно нѣтъ. Слѣдовало бы процитировать также на стр. 48, 49, 51 и 52 учебники Целлера и Виндельбанда.

Итакъ, мы видимъ, что первая часть диссертациі г. Владимірскаго страдаетъ многими и нерѣдко весьма важными недостатками. Однако, каковы бы ни были эти недостатки, они касаются въ концѣ концовъ не общаго плана его работы, а лишь отдѣльных ея сторонъ и подробностей, и устранить

ихъ, надѣюсь, не составитъ очень большого труда. Иное приходится сказать о второй части. Здѣсь существенные дефекты обнаруживаются уже не только въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, но и въ общей постановкѣ самой задачи. Какъ мы знаемъ, задача этой части состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ отношеніе космологическихъ и антропологическихъ воззрѣній Немезія къ предшествовавшей, современной ему и послѣдующей патристической литературѣ. Что же понимаетъ г. Владимірскій подъ этимъ „отношеніемъ“? Зависимость Немезія отъ предшествовавшихъ и современныхъ ему церковныхъ писателей? Его вліяніе на современную и позднѣйшую христіанскую мысль? Наконецъ, его особенную идейную близость къ однимъ христіанскимъ богословамъ и разномысліе съ другими? Нѣтъ. Онъ разумѣетъ всѣ точки соприкосновенія, какія вообще могутъ существовать между мыслями этого писателя и мыслями другихъ представителей патристической литературы, гдѣ бы эти точки соприкосновенія ни встрѣчались и въ чемъ бы онѣ ни состояли. Выяснитъ отношеніе воззрѣній Немезія къ остальной патристической литературѣ, по его мнѣнію, значитъ изложить космологическія, антропологическія и хриѳологическія ученія за весь патристическій періодъ и отмѣтитъ въ нихъ все, что находитъ для себя не только „полную аналогію“, но даже „хотя бы отдаленный отзвукъ въ философіи Немезія“ (II, 8). И онъ излагаетъ эти ученія, начиная съ эпохи апологетовъ и кончая писателями VIII, IX и даже X вѣка. Очень подробно, очень длинно и очень однообразно повѣствуетъ онъ о томъ, какъ рѣшались „предшественниками Немезія“ вопросы о происхожденіи и устройствѣ міра, о Промыслѣ, о превосходствѣ и достоинствѣ природы человѣка, о связи души и тѣла, о субстанціальности и невещественности души, о безсмертіи, о происхожденіи душъ, о душевныхъ способностяхъ, о разумѣ, о свободѣ, о первородномъ грѣхѣ, о страстяхъ и о борьбѣ съ ними, о Логосѣ, о Божественной и человѣческой природѣ Христа, объ искупленіи, о Троицѣ, о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка. По каждому изъ этихъ вопросовъ приводятся мнѣнія главнѣйшихъ представителей этого періода, Иринея Ліонскаго, Тертулліана, Климента Александрійскаго и Оригена, а въ связи съ ними цитируются и другіе писатели вѣка апологетовъ, Іустинъ Муче-

никъ, Теофилъ Антиохійскій, Аѳинагоръ, Таціанъ. Такимъ же образомъ излагаются космологическія, антропологическія, хринологическія, сотеріологическія и эсхатологическія воззрѣнія „современниковъ Немезія“, Аванасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, съ параллельными ссылками на Іоанна Златоуста, Епифанія Кипрскаго, Макарія Египетскаго, Нила Синайскаго, Іоанна Кассіана, Евагрія Понтійскаго и другихъ богослововъ этой эпохи, съ экскурсами въ исторію хринологическихъ споровъ, съ попутными замѣчаніями о борьбѣ Александрійской и Антиохійской школъ и съ подробнымъ анализомъ выдвинутыхъ этою борьбой богословскихъ формулъ и церковныхъ вѣроопредѣленій. Наконецъ, по той же схемѣ, но еще подробнѣе разсматриваются философскія ученія и богословскія системы позднѣйшихъ христіанскихъ писателей, Іоанна Филопона, Леонтія Византійскаго, Максима Исповѣдника, Іоанна Дамаскина, Мелетія Монаха и Ильи Критскаго. Только на долю Клавдіана Мамерта, Юліана Померійскаго, Анастасія Синаита и Моисея Барцефы приходятся краткія и общія замѣчанія, „за недостаткомъ отчасти свободнаго мѣста, а отчасти и опредѣленныхъ данныхъ“ (409). Но весь этотъ длинный рядъ ученій, системъ, теорій, мнѣній и идей является для автора только фономъ, на которомъ выступаютъ предъ его глазами, какъ узоры, мысли Немезія и аналогичныя имъ положенія. Эти мысли и ихъ близкіе или отдаленные „отзвуки“ онъ открываетъ повсюду. Вотъ, наприм., Немезій училъ о твореніи міра Богомъ изъ ничего (*ἐξ οὐκ ὄντων*). Оказывается, что эта мысль встрѣчается еще у апологетовъ: они также учили о твореніи міра изъ ничего. И что всего любопытнѣе, они выражали эту мысль тѣми же словами, какія употреблялъ и Немезій: *ἐξ οὐκ ὄντων (de nihilo)*“ (42 и друг.). Ту же мысль автору удается прослѣдить и у современниковъ Немезія, и у его преемниковъ, и вездѣ она выражается словами: „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ (213 слѣд., 217 слѣд., 428 слѣд., 441 слѣд.). Немезій училъ о гармоніи и совершенствѣ міра: и у апологетовъ, и у писателей IV вѣка, и у позднѣйшихъ богослововъ раскрывается то же самое ученіе, и раскрывается въ такомъ же духѣ и смыслѣ, какъ у него (31 слѣд., 205, 209 слѣд., 436 и др.). Сходство доходитъ до мелочей. Если у Немезія идея совершенства міра развивается на

почвъ неоплатонизма, то элементы неоплатонизма мы видимъ, напр., и въ ученіи о творческомъ Логосѣ и совершенствѣ міра у св. Аѳанасія (205—206). „Вообще, нужно сказать, что основная идея космологіи Немезія о совершенствѣ міра является общимъ достояніемъ патристической литературы“ (208, 30—31). Такое же историческое положеніе занимаетъ и его антропология. „Общая и основная мысль антропологии Немезія о превосходствѣ, достоинствахъ и высокомъ назначеніи природы человѣка довольно рельефно выдѣляется уже на общемъ фонѣ антропологическихъ воззрѣній предшественниковъ епископа Емесскаго и полагается ими какъ бы въ основу всѣхъ разсужденій о человѣкѣ, являясь въ то же время базисомъ для нѣкоторыхъ этико - теологическихъ выводовъ“ (76—77). Тѣмъ болѣе ярко выступаетъ эта мысль „на фонѣ“ позднѣйшихъ патристическихъ ученій: здѣсь она развивается „совершенно аналогично“ съ представленіями Немезія не только такими писателями, которые, какъ Мелетій Монахъ, дословно заимствовали у него цѣлыя страницы, но и великими богословами, писавшими, повидимому, независимо отъ его трактата, напр. Григоріемъ Нисскимъ (240, 243, 480—481, 488, 491 и др.). Но этого мало. Идея Немезія о совершенствѣ человѣческой природы и ея высокомъ назначеніи имѣетъ „обще-христіанскій и, такъ сказать, универсальный характеръ“ и ея значеніе „сказывается не только въ томъ, что мы ясно видимъ развитіе ея въ послѣдующей патристической литературѣ, но и въ томъ“, что она связана со всею культурною исторіей какъ древняго, такъ и современнаго міра. „Генетическій корень этой идеи надо искать въ древней философіи, въ такъ называемой *античной гуманности*, центральнымъ принципомъ которой была вѣра въ благородство человѣческой природы и основанное на этой вѣрѣ признаніе *совершенствуемости* человѣческаго существа. Этой идеѣ суждено было сыграть громадную роль не только въ культурно-соціальной жизни античнаго общества, но и въ послѣдующемъ процессѣ культурно-историческаго развитія человѣчества,—гдѣ она варьируется на разные лады, налагая свой отпечатокъ то на педагогическія теоріи воспитанія, то на обще-этическое міросозерцаніе“. „Отзвуки“ этой идеи авторъ находитъ и въ педагогическихъ ученіяхъ Платона и Аристотеля, и въ воспитательныхъ идеяхъ Квинтиль-

ліана, и въ теоріи „естественнаго воспитанія“ Руссо, и въ политическихъ идеалахъ Платонова „Государства“, и въ Аристотелевской идеѣ общественнаго „симбіоза“, и въ новѣйшихъ ученіяхъ „о прогрессѣ и счастіи, о цѣли и смыслѣ жизни, о матеріально-соціальному и духовному прогрессѣ“ и т. п. „Подобно Немезію, часто повторяющему, что „человѣкъ поставленъ на рубежѣ двухъ природъ“, и теперь сравниваютъ человѣка съ миѣическимъ деревомъ, корни котораго въ землѣ, а верхушки касаются неба (Генри Джорджъ,— „Прогрессъ и бѣдность“)“... (494—496, 502—503). Но эту „общехристіанскую и, такъ сказать, универсальную“ идею Немезія, конечно, не исчерпываетъ историческое значеніе его антропологии. Уже въ самомъ началѣ своего трактата Немезій „констатируетъ тотъ общепризнанный всѣми фактъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ различныхъ началъ, души и тѣла“; онъ подробно рассуждаетъ „о достоинствахъ и цѣлесообразномъ устройствѣ человѣческаго тѣла, какъ послушнаго органа („инструмента“) души“; онъ говоритъ „о значеніи его для душевной дѣятельности, о господствѣ души надъ тѣломъ“, о ихъ тѣсной взаимной связи. И что же? „Почти всѣ эти положенія, съ большею или меньшею послѣдовательностью и обстоятельностью, раскрываются и у предшественниковъ Немезія“, и у его современниковъ, и у его „послѣдователей“. Всѣ они согласно признаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; всѣ они рассуждаютъ о цѣлесообразномъ устройствѣ человѣческаго тѣла, о значеніи его для душевной дѣятельности, о взаимной связи этихъ двухъ началъ, и рассуждаютъ такъ же, какъ Немезій (84 слѣд., 253 слѣд., 503 слѣд., 565—566, и др.). „Высказанныя Немезіемъ идеи о составѣ человѣка... были, можно сказать, общимъ достояніемъ христіанской апологетической науки первыхъ вѣковъ“ (95). Его ученіе о тѣлѣ, какъ цѣлесообразномъ органѣ или орудіи души, „можетъ быть признано прототипомъ возрѣніи всѣхъ христіанскихъ писателей IV вѣка“ (269). Его мысль о превосходствѣ души и ея власти надъ тѣломъ нашла себѣ „широкое примѣненіе“ не только въ антропологию, но и въ этику его современниковъ, „опредѣляя ихъ точку зрѣнія на „нравственныя цѣнности“ жизни, на поведеніе и нравственную дѣятельность человѣка, и являясь такимъ образомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ исходнымъ пунктомъ или центромъ всей

системы христіанскаго правоученія“ (315). „Вообще, можно сказать, что Немезій въ своемъ рѣшеніи психофизической проблемы является весьма типичнымъ выразителемъ воззрѣній всѣхъ современныхъ ему христіанскихъ писателей, обсуждавшихъ эту проблему съ такой или иной стороны“ (288), равно какъ и всѣхъ позднѣйшихъ христіанскихъ ученыхъ (566 и др.). Немезій училъ о субстанціальности и невещественности души, доказывая эту идею посредствомъ критики материалистическихъ теорій. Такому же методу, какъ оказывается, слѣдовали и другіе христіанскіе антропологи: они также опровергали материализмъ, выдвигая противъ него аргументы „въ духѣ Немезія“ и приходя къ такимъ же выводамъ, какъ и онъ (318 слѣд., 549 слѣд.). Немезій говорилъ о разумности человѣческой души, и въ этомъ отношеніи онъ „опять-таки является весьма типичнымъ выразителемъ антропологическихъ идей своего времени“. Когда церковные учителя этой эпохи „хотѣли точнѣе и проще выразить понятіе о человѣческой природѣ въ отличіе ея отъ природы другихъ живыхъ существъ, они обыкновенно указывали, подобно Немезію, на признакъ разумности“. „Соотвѣтственно Немезію, опредѣлявшему человѣка, какъ „животное разумное, смертное, обладающее способностью ума и познанія“, Григорій Нисскій опредѣляетъ человѣка, какъ *λογικὸν ζῶον* или *λογικὸν καὶ διαλογικὸν ζῶον*; Іоаннъ Златоустъ приводитъ буквально опредѣленіе Немезія: *ζῶον λογικόν, θνητόν*,—какъ общепринятое у языческихъ философовъ“, и т. д. (267 — 268). Мысль о тѣсной связи разума и воли, „столь полно и удачно раскрытая въ трактатѣ Немезія“, является общей идеей всей патристической психологіи (334 слѣд., 602 слѣд.). „Тертуллианъ отчасти предвосхищаетъ мысль Немезія... о „гнѣвъ“ (*θυμὸς*), какъ служебномъ орудіи разума (*δορυφορικὸν τοῦ λογισμοῦ*),—хотя эта мысль первоначально высказана Платономъ“ (166). Но эта, „предвосхищенная Тертуллианомъ, хотя первоначально и высказанная Платономъ“ мысль Немезія въ свою очередь „весьма типично характеризуетъ воззрѣнія современныхъ ему писателей по данному вопросу“, равно какъ и позднѣйшихъ представителей святоотеческой и аскетической литературы (386, 662 слѣд.). „Въ ученіи современниковъ Немезія о словѣ (*λόγος*) и о способности рѣчи встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, указанія на то, что рѣчь тѣсно

связана съ мыслительной дѣятельностью и служить выраже-
 ніемъ ея, что „слово“ есть необходимый органъ (орудіе) мыс-
 ли, ея вѣстникъ и,—такъ сказать,—естественный продуктъ.
 Всѣ эти воззрѣнія свв. отцовъ стоятъ въ очень близкой связи
 съ ученіемъ Немезія „О словѣ внутреннемъ и произносимомъ“
 (гл. 14)“, и это между прочимъ явствуетъ изъ того, что „Гри-
 горій Богословъ много разсуждаетъ о нравственно-психоло-
 гическомъ значеніи слова“ (352—353). Ученіе Немезія о
 страстяхъ „настолько характерно для всей вообще патристи-
 ческой (въ частности—аскетической) психологіи, что можетъ
 быть разсматриваемо, какъ *общій типъ* воззрѣній, или аске-
 тическаго міросозерцанія, всѣхъ почти христіанскихъ писа-
 телей, современныхъ нашему философу и непосредственно
 слѣдовавшихъ за нимъ, т. е. жившихъ въ IV—V вѣкахъ, въ
 эпоху наивысшаго расцвѣта патристической и аскетической
 письменности“ (668—669). Уже на что, кажется, мало инте-
 ресовались церковные писатели такими вопросами, какъ во-
 просы физиологіи и психологіи ощущеній, проблемы вообра-
 женія и памяти или ученіе о біологическихъ функціяхъ „не-
 разумной души“; но и здѣсь между ними и Немезіемъ под-
 часъ оказывается близкая связь. Григорій Богословъ опре-
 дѣляетъ память такими словами, которыя очень сходны съ
 опредѣленіемъ Немезія (354); Григорій Нисскій „вполнѣ
 сходно съ Немезіемъ учить о претвореніи и измѣненіи пи-
 щевыхъ элементовъ“ (408); Филопонъ учить о функціяхъ
 органовъ чувствъ „согласно съ Немезіемъ, такъ какъ
 стоитъ на точкѣ зрѣнія Аристотеля“ (607), и проч. Но
 нигдѣ точки соприкосновенія между Немезіемъ и другими
 церковными писателями не обнаруживаются такимъ удиви-
 тельнымъ образомъ, какъ въ сферѣ богословскихъ вопро-
 совъ. Самъ Немезій касался этихъ вопросовъ лишь мимо-
 ходомъ и „его система заключаетъ въ себѣ очень немно-
 го богословскаго элемента“ (440). Но въ тѣхъ немногихъ за-
 мѣчаніяхъ богословскаго характера, какія встрѣчаются въ
 его трактатѣ, автору удалось найти „полную аналогію“ или
 „отдаленные отзвуки“ почти для всѣхъ идей, волновавшихъ
 древне-христіанскую мысль на протяженіи цѣлаго ряда
 столѣтій. Въ поискахъ за такими аналогіями и отзвуками
 онъ обнаруживаетъ неистощимое остроуміе и слѣдитъ за
 нитью его разсужденій во всѣхъ подробностяхъ я не буду.

Ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами. У Немезія нѣтъ ученія о Логосѣ, ни субординаціонистскаго, какъ напр. у Тертулліана и Оригена, ни православнаго, какъ у отцовъ IV вѣка; нѣтъ у него и вообще ученія о св. Троицѣ. Поэтому на первый взглядъ могло бы казаться, что въ этихъ вопросахъ никакой связи между нимъ и другими христіанскими писателями не существуетъ и говорить о такихъ предметахъ автору нѣтъ нужды. Однако на самомъ дѣлѣ это оказывается не такъ. Если у Немезія нѣтъ ученія о Логосѣ и о Троицѣ, то у него есть общее съ другими христіанскими богословами ученіе о твореніи міра, а у нихъ это ученіе „какъ-то особенно близко соприкасается и связывается съ догматическими вопросами, въ частности съ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ, Логосѣ“ (213). Конечно, Немезій не раздѣляетъ субординаціонистскихъ ученій Оригена и Тертулліана, но это вполне понятно. „Усвояя космологическія и теологическія идеи своихъ предшественниковъ, онъ никогда не принимаетъ тѣхъ положеній и выводовъ, какіе считаетъ несогласными съ ученіемъ Церкви“. „Въ области космологіи Немезій всецѣло солидаренъ съ Оригеномъ только въ ученіи о цѣлесообразности, гармоніи и совершенствѣ міра и о твореніи изъ ничего“; но тѣ „догматическія положенія и теологическіе выводы, къ какимъ приходитъ Оригенъ въ своей космологіи, являются мало согласованными съ ученіемъ Церкви..., а потому, конечно, чуждыми послѣдующимъ христіанскимъ писателямъ и въ числѣ ихъ Немезію“, и т. д. „Будучи чуждъ крайностей оригенизма, онъ въ такой же мѣрѣ далекъ и отъ... заблужденій Тертулліана“; а къ числу такихъ заблужденій и принадлежитъ ученіе этого писателя о Логосѣ, какъ о подчиненномъ орудіи творенія, и проч. (45 слѣд., 57 слѣд.). Совсѣмъ иначе слагаются отношенія Немезія къ отцамъ IV вѣка. Съ ихъ ученіемъ о Логосѣ и о св. Троицѣ его сближаетъ какъ разъ именно то самое отсутствіе субординаціонистскихъ представленій, которое полагало такую рѣзкую грань между нимъ и писателями предшествующаго періода. „Коренное отличіе міросозерцанія современныхъ Немезію церковныхъ писателей (отъ ученія его предшественниковъ) состоитъ въ томъ, что въ ихъ логологіи (какъ и у самого Немезія) почти уже нѣтъ и слѣдовъ того субординаціонизма, какимъ характеризуются воззрѣнія апо-

логетовъ и вообще писателей первыхъ трехъ вѣковъ. При этомъ, и въ самой космологіи современниковъ Немезія раскрываются нѣкоторыя новыя положенія или незатронутые предшественниками принципы, въ корнѣ подрывающіе упомянутый субординаціонизмъ: это, во первыхъ, точное метафизическое разграниченіе понятій *твореніе* и *рожденіе*, и, во вторыхъ, идея объ участи всѣхъ лицъ св. Троицы въ дѣлѣ міротворенія“ (213—214). Отсюда становится, конечно, уже само собою понятнымъ, почему авторъ посвящаетъ этимъ двумъ идеямъ цѣлый рядъ страницъ. Съ другой стороны, между воззрѣніями Немезія и идеей Логоса у его предшественниковъ существовала и положительная связь. Ученія о Логосѣ у Немезія не было, но у него, какъ мы знаемъ, была „философія исторіи“. И вотъ, „въ нѣкоторыхъ чертахъ логологіи апологетовъ и вообще предшественниковъ Немезія можно усмотрѣть отдаленную аналогію съ философско-историческими воззрѣніями епископа Емесскаго“: понятіе о Логосѣ, „какъ о разумномъ началѣ, царствующемъ въ мірѣ, какъ о космическомъ разумѣ *sui generis*, направляющемъ весь міръ и культурно-историческій процессъ человѣчества къ извѣстной разумной цѣли“, занимало въ ихъ міросозерцаніи такое же положеніе, какое получила въ его космологіи идея Промысла (68 слѣд.). Вся хринологія Немезія умѣщается на трехъ страницахъ, примыкающихъ къ вышеупомянутой цитатѣ изъ Аммонія въ III главѣ трактата (с. III, р. 60—62). Она состоитъ только въ несовсѣмъ послѣдовательной и не особенно связанной попыткѣ примѣнить неоплатоническую теорію „неслитнаго“ (*ἀσβύχυτος*) соединенія души и тѣла по энергетическому и нравственному соотношенію ихъ (*σχεσίς, ζώνη, διάθεσις*) къ объясненію „неслитнаго“ и „неизмѣннаго“ соединенія (*ἀσβύχυτος, ἀτρέπτος ἐνωσις*) двухъ естествъ во Христѣ „по существу“, „по природѣ“ (*κατ' οὐσίαν, κατὰ φύσιν*). Но какъ бы ни была скромна и несовершенна эта попытка, ея историческое значеніе оказывается по истинѣ громаднымъ. „Ясное ученіе Немезія о *неслитномъ, неизмѣнномъ* и *неразрѣтельномъ* соединеніи души съ тѣломъ (и по аналогіи—Боже-ства съ человѣчествомъ во Христѣ) имѣло вліяніе на послѣдующую хринологію церковныхъ писателей“ (567) и отразилось на разработкѣ догматическихъ проблемъ вообще. Тѣ хринологическіе выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этой

антропологической аналогии, „содержать въ себѣ много общаго не только съ христологическими воззрѣніями современниковъ нашего писателя, но и съ послѣдующими вѣроопредѣленіями церкви“ (296). „Неоплатоническая идея о свойствахъ умопостигаемой (*νοητή*) и безтѣлесной природы, всепроникающей и неизмѣняемой,—идея примѣненная Немезіемъ къ рѣшенію психофизической проблемы, а отсюда и къ христології,—находитъ себѣ подобное же примѣненіе у Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и Аѳанасія Александрійскаго, а св. Василиій Великій пользуется ею при изложеніи ученія о свойствахъ и дѣйствіяхъ Духа Святаго... Наконецъ, антропологическая идея Немезія о тѣсномъ *взаимодѣйствіи* души съ тѣломъ или о такъ называемомъ психофизическомъ параллелизмѣ, какъ слѣдствіи *всецѣлаго* проникновенія тѣла душою и соединенія ея съ нимъ,—идея, не чуждая, какъ мы видѣли, и другимъ церковнымъ писателямъ IV вѣка,—приводила этихъ послѣднихъ къ ученію о слѣдствіяхъ ипостаснаго соединенія двухъ природъ въ лицѣ Иисуса Христа“, каковы, напр., „обоженіе“ (*θεωσις*) человеческой природы, искупленіе и спасеніе отъ грѣха *всего* чловѣка, и проч. (299—304). Въ христологической терминологіи Немезія „уже легко усматриваются основныя черты двухъ противоположныхъ догматическихъ направленій, александрійскаго и антиохійскаго, приведенныхъ въ стройное созвучіе лишь полвѣка спустя, на 4-мъ Вселенскомъ Соборѣ (451 г.)“. Его терминами: *ἀόβυχτος*, *ἀτρέπτος ἕνωσις*, *ἕνωσις κατ' οὐσίαν*, *κατὰ φύσιν*, *μίξις*, *χωρισ* и др. пользуются Григорій Нисскій, Григорій Богословъ, Аѳанасій Александрійскій, Кириллъ Александрійскій, св. Левъ папа, Халкидонскій Соборъ (304 слѣд.). „Въ этомъ отношеніи мы смѣло можемъ утверждать, что Немезій предвосхитилъ не только основную мысль Халкидонскаго ороса, но и важнѣйшія христологическія формулы богослововъ александрійскаго направленія“ (578—579, 698 и др.; сравн. I, 359 слѣд.)... Немезій не касается Оригеновскаго ученія объ *ἀλογατότατις*, какъ не касается и эсхатологическихъ проблемъ вообще. Однако было бы опять совершеннымъ недоразумѣніемъ думать, что у него нѣтъ никакой связи съ этою идеей, а у г. Владимірскаго нѣтъ никакихъ основаній говорить о ней: „мы скажемъ два слова объ этомъ ученіи, такъ какъ оно находится въ нѣкоторой связи съ

ученіемъ о свободѣ воли и мнѣніемъ Оригена о различныхъ степеняхъ душъ (о „восхожденіяхъ и нисхожденіяхъ“), о которомъ упоминаетъ Немезій, опровергая его, какъ несогласное съ Св. Писаніемъ (Nemes. с. 3)“ (195—196). Немезій не опровергалъ несторіанства и монофизитства; но Леонтій Византійскій, опровергая эти лжеученія, „вообще говоря, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Немезій“ (582), и проч. И вотъ такими разсужденіями наполняется цѣлый громадный томъ въ 712 страницъ, съ цѣлыми этажами цитатъ, съ безчисленнымъ множествомъ ученыхъ ссылокъ и кропотливыхъ справокъ. Даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о позднѣйшихъ писателяхъ, стоявшихъ дѣйствительно въ литературной зависимости отъ Немезія, его интересуетъ не столько эта конкретная зависимость, сколько вообще согласіе извѣстныхъ ученій съ идеями его „мыслителя“. Отмѣчая какъ-бы мимоходомъ многочисленныя буквальныя заимствованія изъ трактата „О природѣ человѣка“ у І. Дамаскина, Максима Исповѣдника, Мелетія Монаха, Ильи Критскаго, онъ тотчасъ же возвращается къ систематическому изложенію ихъ ученій, чтобы еще и еще разъ показать, насколько выступающія на фонѣ этихъ ученій мысли Немезія „типичны“ и „характерны“ для всей патристической литературы.

Въ результатъ получается по истинѣ парадоксальная картина. Предъ нами развертывается цѣлая исторія христіанской космологіи и антропологіи въ связи съ развитіемъ христологическихъ ученій и съ разработкой нѣкоторыхъ другихъ богословскихъ проблемъ. За нею видяются образы и идеи античнаго міра, на смѣну котораго она пришла, а впереди нея иногда открываются далекія перспективы современной культуры, которая въ свою очередь придетъ ей на смѣну. И по срединѣ всей этой многовѣковой исторіи стоитъ маленькая фигура финикійскаго епископа Немезія Емесскаго съ его компилятивнымъ учебникомъ христіанско-эллинистической психологіи. Къ этой фигурѣ сходятся, какъ радіусы къ центру, всѣ умственныя теченія патристической эпохи, и отъ нея исходятъ, какъ лучи, тѣ идеи, которыя дали этой эпохѣ ея своеобразную и сложную духовную жизнь. Немезій, — „типичный выразитель“ космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ представленій чуть ли не всѣхъ церковныхъ писателей отъ II до X вѣка, и эти писа-

тели классифицируются, характеризуются и различиваются лишь по отношенію къ нему. Когда бы они ни жили и къ какой бы школѣ ни принадлежали, для нихъ существуетъ только одна историческая группировка: они или „предшественники“ Немезія, или его „современники“, или его „послѣдователи“. Если христіанскіе писатели заблуждались, то это значить, что ихъ воззрѣнія были чужды Немезію; если они учили правильно, то они учили „согласно съ Немезіемъ“ и „въ его духъ“. Мысли высказываемыя ими, это—„мысли Немезія“, слова и выраженія, которыя ими употреблялись, это—„его“ выраженія и слова. Откуда бы эти писатели ни заимствовали своихъ идей,—изъ Библии или изъ греческой философіи,—это все равно „идеи космологіи и антропологіи Немезія“. Но если мы въ концѣ концовъ спросимъ: что же особеннаго сдѣлалъ этотъ Немезій?, то оказывается, что его историческое значеніе сводится къ нулю. Получается впечатлѣніе, какъ будто этотъ писатель говорилъ только банальности, констатировалъ общепризнанные факты, повторялъ избитыя и всѣмъ извѣстныя истины. Его главныя мысли были высказаны еще апологетами; его космологическія и антропологическія воззрѣнія были „общимъ достояніемъ патристической литературы“. Исторія проходила мимо него, а онъ лишь рабски копировалъ то, что она заносила на свои скрижали...

Такимъ образомъ, въ изображеніи г. Владимірскаго Немезій является одновременно и колоссальною историческою величиною, и полнымъ историческимъ ничтожествомъ. Дѣлая его фигурой въ исторіи патристической космологіи и антропологіи, авторъ чрезмѣрно переоцѣниваетъ его заслуги; старательно нивеллируя его идеи и безъ остатка растворяя ихъ въ общемъ потокѣ древне-христіанской мысли, онъ лишаетъ его всякаго значенія. И то, и другое, конечно, одинаково несправедливо. Несообразности, къ которымъ приводитъ автора крайняя переоцѣнка Немезія, прямо бросаются въ глаза. Ну, въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно дѣлать второстепеннаго или даже третьестепеннаго церковнаго писателя „выразителемъ“ космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ ученій цѣлой патристической эпохи? И развѣ правильно представлять эти ученія въ такомъ свѣтѣ, какъ будто великіе христіанскіе мыслители и богословы, ко-

торымъ они принадлежать, были только какими-то подражателями никому неизвѣстнаго Емесскаго епископа? Вѣдь, если взгляды Немезія на міръ и человѣческую природу въ существенныхъ чертахъ совпадали съ представленіями другихъ церковныхъ писателей, то отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы на эти представленія можно было наклеивать ярлыкъ съ его именемъ. Причина этого совпаденія заключалась въ томъ, что всѣ христіанскіе писатели черпали элементы своего міросозерцанія изъ одного общаго источника: изъ Библии, новозавѣтныхъ писаній, греческой философіи и общечеловѣческаго опыта. И если извѣстныя идеи встрѣчаются у всѣхъ нихъ, то это уже не „идеи Немезія“, а библейско-христіанскія, эллинистическія и общечеловѣческія идеи. Когда говорятъ о связи христіанской идеи совершенства человѣческой природы съ античной гуманностью и о ея вліяніи на культурные идеалы позднѣйшаго времени, то это имѣетъ свой смыслъ; но если мы прибавимъ, что это была „идея Немезія“, такія рѣчи будутъ звучать уже комично. Я полагаю, что самъ г. Владимірскій оцѣнитъ весь неподдѣльный юморъ такихъ изреченій, какъ заявленія, что извѣстная мысль антропологии Немезія рельефно выдѣлялась уже на фонѣ возрѣній его предшественниковъ и полагалась ими какъ-бы въ основу ихъ разсужденій о человѣкѣ, что другая его мысль была высказана еще Платономъ, что христіанскіе антропологи, опредѣляя понятіе человѣка, буквально приводили опредѣленіе Немезія, какъ общепринятое у языческихъ философовъ, что писатель, стоявшій на точкѣ зрѣнія Аристотеля, училъ согласно съ Немезіемъ, и т. п. Онъ не можетъ не почувствовать всей несообразности тѣхъ преувеличеній, какія заключаются въ словахъ, что мысль Немезія о превосходствѣ души и ея власти надъ тѣломъ опредѣлила точку зрѣнія ея современниковъ на нравственныя цѣнности жизни и стала центромъ всей системы христіанскаго правоученія, что усвоенное этимъ писателемъ аристотелевско-стоическое ученіе о страстяхъ выражало характеръ всей аскетической психологии и даже было „общимъ типомъ“ аскетическаго міросозерцанія. Если среди современниковъ Немезія было распространено стоическое ученіе о внутреннемъ и произносимомъ словѣ, то какимъ образомъ оно могло стоять „въ очень близкой связи“ съ трактатомъ

„О природѣ человѣка“? Развѣ общіе эллинистическіе источники этого ученія не были одинаково открыты для всѣхъ христіанскихъ психологовъ? Быть можетъ, подѣ этой очень близкой связью авторъ разумѣетъ просто сходство одного ученія съ другимъ; но въ такомъ случаѣ лучше было бы сравнивать Немезія съ остальными церковными писателями, чѣмъ наоборотъ. А еще лучше было бы совсѣмъ не останавливаться на подобныхъ банальныхъ сравненіяхъ, ничего не объясняющихъ и ни для кого не характерныхъ. Вѣдь, идя такимъ путемъ, можно найти аналогію между Немезіемъ и его современниками даже въ томъ, что они писали на одинаковомъ съ нимъ греческомъ языкѣ.

Чрезмѣрно преувеличивая значеніе Немезія, какъ философа и психолога, г. Владимірскій еще болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него первокласснаго богослова. Но развѣ онъ знаетъ, что богословскій элементъ въ сочиненіи Немезія очень скуденъ, какъ мыслимо подобное предпріятіе? Возможно ли серьезно говорить объ отношеніи Немезія къ субординаціонистскому и православному ученію о Логосѣ, если у него самого нѣтъ ни того, ни другого? Можно ли считать фактомъ исторической важности его христологию, если вся она исчерпывается нѣсколькими мимоходомъ высказанными и по существу довольно неясными замѣчаніями, которыя, повидимому, даже не привлекли къ себѣ вниманія современниковъ? Вѣдь, „яснаго ученія о неслитномъ, неизмѣнномъ и нераздѣльномъ соединеніи души съ тѣломъ“ (567, 84) у Немезія не было и, конечно, не могло быть. Онъ признаетъ это соединеніе неслитнымъ, но о нераздѣльности безсмертной души и умирающаго тѣла онъ нигдѣ не говоритъ. Отсюда у него не было и ученія о нераздѣльномъ соединеніи двухъ природъ во Христѣ. Настоячиво подчеркивая „неслитность“ и „неизмѣнность“ этихъ природъ (*ἀσβυχτος, ἀτρέπτος ἕνωσις*), онъ не обмолвился ни однимъ словомъ о ихъ „нераздѣльности“. Даже въ своей полемикѣ противъ евноміанъ Немезій съ ясностью не выдвигаетъ этой мысли. Какимъ же образомъ онъ могъ предвосхитить не только Халкидонское вѣроопредѣленіе, но даже христологическія формулы александрійскихъ богослововъ, у которыхъ идея „нераздѣльнаго единенія“ (*ἀδιαίρετος ἕνωσις*) стояла на первомъ мѣстѣ? Конечно, увлеченіе предметомъ своего из-

слѣдованія и стремленіе преувеличивать его важность въ большей или меньшей мѣрѣ свойственны всякому автору; но и въ такихъ увлеченіяхъ нужно соблюдать извѣстное чувство мѣры. Вотъ такого-то чувства мѣры и недостаетъ г. Владимірскому. Всячески расширяя скромный кругъ идей Немезія, превращая небольшого писателя въ выдающуюся историческую величину, дѣлая центромъ исторіи то, что было только ея эпизодомъ, онъ не замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ искажается историческая дѣйствительность.

Но если г. Владимірскій чрезмѣрно переоцѣниваетъ Немезія, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не доцѣниваетъ его. Приписывая этому писателю несоответствующую дѣйствительности роль въ исторіи христіанской философіи и богословія, онъ почему-то затушевываетъ ту самую сторону его дѣятельности, съ которою именно и связано его настоящее историческое значеніе. Немезій былъ небольшой писатель, но это былъ писатель особаго типа, не встрѣчающагося болѣе въ патристической литературѣ: это былъ христіанскій психофизиологъ и психологъ-систематикъ. Церковные писатели не интересовались научною разработкой психологическихъ проблемъ самихъ по себѣ и касались ихъ лишь постольку, поскольку онѣ стояли въ связи съ догматическими и нравственными вопросами христіанскаго вѣроученія. Вотъ почему мы не находимъ у нихъ ни спеціальнаго изслѣдованія низшихъ психическихъ и психофизиологическихъ функцій, ни систематическаго изложенія психологіи вообще. Скромная заслуга Немезія въ томъ и состояла, что онъ до нѣкоторой степени заполнилъ этотъ пробѣлъ въ патристической антропологіи. Будучи знакомъ съ Аристотелевскою психологіей и Галеновскою физиологіей, какъ никто изъ его современниковъ, онъ подвергъ изслѣдованію не только важные для богослова и моралиста вопросы о природѣ души, объ ея отношеніи къ тѣлу, о страстяхъ, о волѣ, и проч., но и тѣ явленія душевной жизни, которыя не привлекали къ себѣ вниманія другихъ христіанскихъ антропологовъ: ощущенія, чувственныя воспріятія, представленія, воображеніе, память. Пользуясь физиологическимъ методомъ греческихъ психологовъ и врачей, онъ поставилъ въ связь изслѣдованіе психическихъ процессовъ съ изученіемъ ихъ тѣлесныхъ условій и далъ въ своемъ трактатѣ широкое мѣ-

сто анатоміи мозга, фізіології органівъ чувствъ и описанію біологическихъ функцій тѣла. Наконецъ,—и это самое главное,—онъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ видѣ цѣльнаго систематическаго курса, расположеннаго по такому же приблизительно плану, по какому психологическія проблемы изучаются и до сихъ поръ. Конечно, и у Немезія психологія тѣсно связана съ богословіемъ, и у него она служитъ апологетическимъ цѣлямъ; но не въ этомъ одномъ онъ видитъ ея значеніе. Какъ ни важны въ глазахъ Емескаго епископа теоретическое обоснованіе и философская защита христіанскихъ истинъ, но изученіе человѣческой души имѣетъ для него интересъ и само по себѣ, какъ особая научная задача. Насколько ему удалось справиться съ этою задачей, это уже другой вопросъ. Какъ научное произведеніе, трактатъ Немезія не имѣетъ, конечно, особенной дѣятельности. Онъ не отличается ни значительностью внутренняго содержанія, ни литературною законченностью. Нѣкоторые важные вопросы (напр., вопросъ о мышленіи) въ немъ только намѣчены, другіе разработаны очень неравномѣрно. Его методъ не самостоятеленъ, его идеи не оригинальны и не глубоки, его изложеніе компилятивно и по мѣстамъ безсвязно, его вліяніе на позднѣйшую христіанскую психологію не велико. Хотя нѣкоторые позднѣйшіе церковные писатели и черпали изъ этой книги свои психологическія знанія, но въ томъ, что они могли изъ нея извлечь, не было ни одной научной и философской мысли, которой нельзя было бы найти у греческихъ мыслителей и ученыхъ. Однако, каковы бы ни были недостатки сочиненія Немезія, оно все-таки занимаетъ въ патристической литературѣ совсѣмъ особое мѣсто. Это единственный дошедшій до насъ отъ христіанской древности систематическій компендіумъ фізіологической психології, отличающійся отъ произведеній другихъ христіанскихъ антропологовъ и по своимъ задачамъ, и по своему методу, и по своей формѣ. Вотъ этими-то особенностями трактата „О природѣ человѣка“ и опредѣляется историческое значеніе Немезія. Это былъ не столько выдающійся психологъ, философъ и богословъ, сколько популяризаторъ античной науки, не столько выразитель извѣстныхъ идей, сколько подражатель извѣстнаго метода, не столько мыслитель, сколько систематизаторъ. Между тѣмъ, эти именно

черты литературнаго облика Немезія и не нашли себѣ у г. Владимірскаго надлежащей оцѣнки.

Итакъ, попытка опредѣлить отношеніе Немезія къ остальнымъ писателямъ патристической эпохи г. Владимірскому не удалась, и не удалась, безъ сомнѣнія, потому, что была неправильно задумана съ самаго начала. вмѣсто того, чтобы указать тѣ особенности, которыя отличаютъ Немезія отъ другихъ христіанскихъ антропологовъ, онъ старался всячески доказывать ихъ сходство; вмѣсто того, чтобы сравнивать ихъ прежде всего по задачамъ, методамъ и формѣ ихъ произведеній, онъ сосредоточивался исключительно на сравненіи ихъ идей; вмѣсто того, чтобы ограничиться сравнительно-характеристикою Немезія, какъ автора его трактата, онъ вздумалъ разсматривать его, какъ выразителя космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ ученій всей патристической литературы. Когда г. Владимірскій писалъ вторую часть своей диссертациі, онъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль: съ одной стороны, онъ хотѣлъ создать историческій фонъ для изучаемаго имъ писателя, съ другой—онъ намѣревался написать исторію патристической космологіи и антропологіи въ связи съ примѣненіемъ психологическихъ понятій и схемъ къ рѣшенію догматическихъ вопросовъ. Но эти двѣ задачи были несоединимы и потому у него не вышло ни того, ни другого. Для простаго историческаго фона онъ взялъ слишкомъ широкій масштабъ. Чтобы пригнать Немезія къ рамкамъ цѣлой патристической литературы, ему пришлось, съ одной стороны, чрезмѣрно преувеличивать значеніе этого писателя, съ другой—по возможности стирать его литературную индивидуальность. Въ первомъ случаѣ фигура Немезія заслоняла собой ея историческій фонъ, во второмъ она сливалась съ этимъ фономъ и дѣлалась на немъ совершенно незамѣтной. Напротивъ, для исторіи патристическихъ ученій о мірѣ и человѣкѣ въ ея цѣломъ предѣлы изслѣдованія автора были слишкомъ узки. Не говоря уже о томъ, что его стремленіе связать эти ученія съ идеями и именемъ Немезія создавало для нихъ какую-то совершенно неестественную историческую ориентировку, самое изложеніе ихъ страдаетъ у него громадными пробѣлами. Даже тѣ космологическія и антропологическія системы, на которыхъ г. Владимірскій сосредоточиваетъ свое преимущественное вни-

маіе, изслѣдуются имъ далеко не полно и не научно. Нѣкоторыя ученія затрогиваются имъ лишь мимоходомъ: такова, напр., вся аскетическая психологія; другія совсѣмъ отсутствуютъ. Достаточно сказать, что среди „современниковъ Немезія“ у него нѣтъ самаго выдающагося, самаго глубокаго и самаго оригинальнаго психолога всей патристической эпохи, Блаж. Августина. Если стать на точку зрѣнія автора, то его невниманіе къ этому великому христіанскому мыслителю будетъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что именно у Августина мы находимъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ попытокъ примѣненія антропологическихъ аналогій къ раскрытію христіанскихъ истинъ, въ его знаменитой психологической теоріи Троичности. Въ концѣ концовъ вся вторая часть изслѣдованія г. Владимірскаго представляетъ собою, говоря прямо, непроизводительно потраченный трудъ. Изъ того громаднаго матеріала, которымъ она наполнена, можно было бы составить только двѣ главы для первой части, вступительную, — о состояніи христіанской антропологіи въ патристическую эпоху вообще, и заключительную, — о заимствованіяхъ изъ трактата Немезія, встрѣчающихся у позднѣйшихъ церковныхъ писателей.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ источникахъ, пособіяхъ и цитатахъ г. Владимірскаго. Какъ я уже говорилъ, авторъ обнаруживаетъ очень большую начитанность въ святоотеческихъ твореніяхъ. И тѣмъ не менѣе его ссылки на эти творенія имѣютъ подчасъ какой-то случайный и дилетантскій характеръ. Одною и того же церковнаго писателя онъ цитируетъ и по патрологіи Миня, и по другимъ изданіямъ, и по подлиннику, и по переводамъ, и по его собственнымъ сочиненіямъ, и по различнымъ пособіямъ. Напр., приводя мысли и выраженія Климента Александрійскаго, онъ иногда ссылается на его произведенія, а иногда на книгу Дежерандо, откуда онъ отчасти беретъ свои цитаты¹⁾; слова Тертуллиана приводятся имъ то по подлиннымъ сочиненіямъ этого писателя, то по старинному историческому словарю Морери, и т. п. Такая хаотическая цитация противорѣчитъ самымъ элементарнымъ научнымъ требованіямъ и свидѣтельствуетъ о компилятивныхъ приѣмахъ работы. Хотя съ

¹⁾ Кстати, имя этого историка нужно писать не *de Gerando*, какъ иногда пишутъ авторъ, а *Degerando*.

литературой по исторіи греческой философіи и психологіи авторъ знакомъ довольно хорошо, но нѣкоторые для него полезные труды въ этой области остались все-таки ему неизвѣстны. Такъ, онъ не знаетъ великолѣпной книги Гомперца „Griechische Denker“, не справлялся съ извѣстными работами Тейхмюллера о Платонѣ и Аристотелѣ, не пользовался лучшимъ изслѣдованіемъ по исторіи стоической психологіи „Die Psychologie der Stoa“ Лудвига Штейна, и др. Книгу Целлера „Die Philosophie der Griechen“ онъ цитируетъ то по 2-му, то по 3-му изданіямъ, хотя въ настоящее время существуетъ уже четвертое, а для первыхъ томовъ и пятое. Въ списокѣ его пособій и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ значится сочиненіе: „Cousin, W. Manuel de l'histoire de la philosophie, traduit de l'allemand de Tennemann“. Не знаю, видалъ ли авторъ когда-нибудь эту книгу, но во всякомъ случаѣ для его свѣдѣнія нужно сообщить, что эта книга не Кузена, а Теннемана, и ея заглавіе слѣдуетъ писать такъ: „Tennemann, Manuel de l'histoire de la philosophie, traduit de l'allemand par V. Cousin“. О томъ, что г. Владимірскій почти совсѣмъ не знаетъ новѣйшей иностранной литературы по патрологіи и церковной исторіи, мы уже приходилось упоминать. Изъ его диссертациі не видно, чтобы ему были извѣстны даже знаменитые труды Гарнака. Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ русскими работами въ этой области; но и здѣсь у автора можно отмѣтить значительныя пробѣлы. Во вступленіи къ первой части онъ говоритъ, что въ русской литературѣ „можно указать одно только изслѣдованіе, которое специально посвящено раскрытію интереснаго вопроса о вліяніи древнегреческой, а затѣмъ патристической философіи и антропологии на христіанское богословіе, или—въ частности—на догматическія движенія въ первые четыре вѣка,—мы разумѣемъ ученый трудъ проф. А. Спасскаго („Исторія догматич. движеній въ эпоху Вселен. Соборовъ“), обнимающій пока лишь тринитарные споры; нельзя не упомянуть также объ ученой диссертациі покойнаго проф. А. П. Лебедева („Вселенскіе Соборы IV—V вв.“), которая, впрочемъ, хотя имѣетъ отношеніе къ указанному вопросу, но преслѣдуетъ больше интересы церковно-исторической науки“ (32). Хорошо, конечно, уже и то, что, по мнѣнію г. Владимірскаго, о диссертациі покойнаго профессора Лебедева по крайней мѣрѣ

„нельзя не упомянуть“; но если бы онъ нѣсколько тщательнѣе пересмотрѣлъ русскую литературу по интересующему его вопросу, ему, можетъ быть, удалось бы найти въ ней и еще кое-что, достойное его вниманія. Таковы, наприм., превосходныя работы покойнаго проф. Болотова, начиная съ его диссертациіи объ Оригенѣ и кончая его недавно изданнымъ курсомъ церковной исторіи; такова извѣстная книга кн. С. Н. Трубецкого, къ сожалѣнію, также покойнаго, о Логосѣ.

Я подвергъ работу г. Владимірскаго довольно подробному разбору и этотъ разборъ показываетъ, что она весьма несовершенна. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были признать ее лишенною всякаго научнаго значенія. Она настолько обширна и въ нее вложено такъ много труда, что за всѣми громадными ея недостатками въ ней все-таки остается немало цѣннаго. Въ самомъ дѣлѣ, если вторая часть этой работы неудовлетворительна по самому своему замыслу, то, какъ мы видѣли, этого нельзя сказать о первой, основной ея части. Здѣсь мы находимъ и правильную постановку задачъ, и достаточно научный методъ. Содержаніе трактата „О природѣ человѣка“ изложено авторомъ стройно и систематично, его источники указаны въ общемъ вѣрно и полно. Правда, при истолкованіи воззрѣній Немезія и при детальной оцѣнкѣ ихъ источниковъ онъ допускаетъ крупныя ошибки; но каковы бы ни были эти ошибки, въ конечномъ счетѣ нужно признать, что для изученія этого писателя имъ сдѣлано много. Да, наконецъ, и вторая часть, не смотря на всю искусственность и наивность ея построенія, все-таки заключаетъ въ себѣ кое-какіе цѣнные элементы. Такими цѣнными элементами являются, какъ я сказалъ, съ одной стороны, данныя для общей характеристики состоянія антропологии и психологии въ патристическій періодъ, съ другой—сопоставленія трактата „О природѣ человѣка“ съ произведеніями тѣхъ церковныхъ писателей, которые дѣлали изъ него буквальные заимствованія. Что же касается перевода трактата Немезія, то его цѣнность я уже отмѣтилъ: издавъ этотъ переводъ, г. Владимірскій оказалъ несомнѣнную услугу русской наукѣ. Въ виду всего этого я полагалъ бы, что Совѣтъ Академіи можетъ принять сочиненіе г. Владимірскаго въ качествѣ диссертациіи на степень магистра богословія. Необходимо только, чтобы авторъ, прежде чѣмъ

печатать это сочиненіе, по возможности исправилъ его недостатки. Для первой части эта редакціонная работа, какъ уже замѣчено, не будетъ особенно велика. Нѣкоторыя изъ указанныхъ выше ошибокъ можно было бы исправить даже въ корректурѣ. Гораздо труднѣе что-нибудь сдѣлать со второю частью. На коренную переработку ея (напр., въ формѣ двухъ дополнительныхъ главъ къ первой части) авторъ едва ли рѣшится, такъ какъ тогда ему пришлось бы пожертвовать большею частью собраннаго въ ней матеріала и выполнить въ значительной степени новый трудъ. Но если она останется даже въ теперешнемъ видѣ, въ нее можно и при этомъ условіи внести нѣкоторыя существенныя улучшенія. Для этого автору необходимо сдѣлать, по моему мнѣнію, слѣдующее. 1) Онъ долженъ все-таки сократить эту часть, выбросивъ изъ нея то, что не имѣетъ къ содержанію трактата Немезія никакого отношенія, ни логическаго, ни историческаго. Такія сокращенія ему придется произвести и въ изложеніи философскихъ воззрѣній разсматриваемыхъ имъ церковныхъ писателей, и еще болѣе въ изложеніи ихъ богословскихъ системъ. Соотвѣтственно своей задачѣ, его изслѣдованіе должно ограничиться по возможности сферой космологическихъ и антропологическихъ вопросовъ. 2) Онъ долженъ дать космологическимъ и антропологическимъ ученіямъ патристической эпохи болѣе объективную и болѣе соотвѣтствующую исторической дѣйствительности ориентировку, т. е. ставить ихъ въ связь не прямо съ воззрѣніями Немезія, а съ тѣми общими библейско-христіанскими и эллинистическими источниками, изъ которыхъ всѣ они одинаково истекали. Во всякомъ случаѣ эти ученія должны излагаться такъ, чтобы не получалось впечатлѣнія, будто между ними и трактатомъ Немезія существуетъ взаимная зависимость тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ея не было и даже не могло быть. 3) Сравнивая Немезія съ другими христіанскими антропологами, г. Владимірскій долженъ заботиться не только о томъ, чтобы отыскивать ихъ сходство, но и о томъ, чтобы подчеркнуть ихъ различія. Такія различія найдутся у нихъ и въ постановкѣ задачъ, и въ методахъ, и въ литературной формѣ, и въ самыхъ идеяхъ. 4) Указывая ихъ сходство, онъ долженъ въ одинаковой мѣрѣ избѣгать и слишкомъ общихъ аналогій, и слишкомъ искусственныхъ сопоставленій. Сличать мысли и выра-

женія, общія всѣмъ христіанскимъ писателямъ, съ такими же мыслями и выраженіями Немезія не имѣетъ смысла; еще менѣе смысла въ томъ, чтобы притягивать имя Емесскаго епископа къ ученіямъ и идеямъ, выходящимъ за предѣлы его кругозора. Если авторъ хочетъ выяснитъ типичныя черты Немезія, какъ церковнаго писателя, то это нужно сдѣлать не въ формѣ детальныхъ сопоставленій, а въ формѣ общей сравнительной характеристики. Наконецъ, 5),—и это самое главное,—г. Владимірскій долженъ измѣнить свою точку зрѣнія на Немезія и поставить его на надлежащее мѣсто. Ему слѣдуетъ отдать себѣ ясный отчетъ и въ скромности исторической роли этого писателя, и въ несовершенствахъ его труда. Но, избѣгая излишней переоцѣнки Немезія, онъ въ то же время долженъ дать правильное понятіе и о его дѣйствительныхъ заслугахъ. Конечно, автору придется исправить не мало и другихъ ошибокъ, какъ въ общемъ освѣщеніи патристическихъ ученій, такъ и въ самомъ изложеніи ихъ. Но эти ошибки имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе и я ихъ уже не касаюсь“.

Справка: 1) Преподаватель Волынской духовной семинаріи Федоръ *Владимірскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1899 году со степенью кандидата богословія и правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, изложенныхъ въ § 137 устава духовныхъ академій 1884 года, занявъ въ разрядномъ спискѣ первое мѣсто послѣ магистрантовъ.—2) Взамѣнъ не вполне удовлетворительнаго семестроваго сочиненія по церковному праву (отмѣчено балломъ 3½) преподавателемъ Владимірскимъ въ минувшемъ учебномъ году представлено было новое сочиненіе по тому же предмету на тему: „Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка“, которое разсмотрѣно сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. А. Заозерскимъ и отмѣчено высшимъ балломъ 5. 3) По § 110 лит. а п. 17 устава духовныхъ академій 1910 года „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя въ Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, признать представленное на соисканіи степени магистра богословія преподавателемъ Волынской духовной семинаріи *Федоромъ Владимірскимъ* сочиненіе, на вышеуказанную тему, достаточнымъ для сей степени и одобрить оное къ напечатанію подѣ непремѣннымъ условіемъ устраненія всѣхъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ, недостатковъ.

VI. Прошеніе о. законоучителя Харьковской женской гимназіи, священника *Веніамина Платонова*:

„Честь имѣю почительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи возвратить мнѣ мое сочиненіе на тему „Прощеніе Господомъ женщины—прелюбодѣйцы“ (Іоан. VIII, 1—11) для напечатанія и представленія его потомъ въ печатномъ видѣ“.

Опредѣлили: Возвратить священнику Веніамину Платонову рукопись его магистерской диссертациі подѣ заглавіемъ: „Прощеніе Господомъ женщины—прелюбодѣйцы“ (Іоан. VIII, 1—11)“, переданной Совѣтомъ Академіи, по опредѣленію отъ 17 декабря 1910 года, на разсмотрѣніе сверхштатному за-служенному ординарному профессору М. Д. Муретову.

VII. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи отъ 23 іюня за № 11055:

„Г. Прокуроръ Московскаго Окружного Суда, при отношеніи отъ „9“-го Марта 1911-го года, за № 4140, препроводилъ въ Консисторію выписку изъ духовнаго завѣщанія Е. П. Румянцевой, умершей 6-го Декабря 1910-го года, утвержденнаго къ исполненію 13-го Января 1911-го года Московскимъ Окружнымъ Судомъ, между прочимъ, слѣдующаго содержанія: внести на учрежденіе стипендіи для воспитанія сиротъ духовнаго званія отъ имени моего мужа *протоіерея Никанора Андреевича Румянцева* въ Московскую Духовную Академію 5700 рублей. При этомъ Г. Прокуроръ увѣдомилъ, что душеприказчицей по сему завѣщанію состоитъ Юрьевская мѣщанка *Марія Яковлевна Вегенеръ*, жительство имѣетъ: въ г. Москвѣ, по 4 Ростовскому пер. д. Попова.

О вышеизложенномъ Московская Духовная Консисторія и имѣетъ честь сообщить“.

Справка: 1) Завѣщанная въ пользу Академіи вдовою протоіереемъ Елизаветою Петровною Румянцовой сумма (5700 рублей) поступила въ Правленіе Академіи отъ душеприказчицы по завѣщанію — Маріи Яковлевны Вегенеръ—въ четырехъ свидѣтельствахъ Государственной 4⁰/₀ ренты (одно за № 382—въ 5000 р., одно за № 477—въ 500 р. и два за №№ 9232 и 9437—по 100 р. каждое), съ купонами при нихъ на срокъ 1 іюня 1911 года.—2) Для того, чтобы проценты съ стипендіальнаго капитала обезпечивали, по крайней мѣрѣ, годичное содержаніе студента—полупансіонера, на что требуется не менѣе 220 р.,—Правленіемъ Академіи на проценты съ капитала за минувшую четверть года приобрѣтено и присоединено къ завѣщанной суммѣ еще одно свидѣтельство Государственной 4⁰/₀ ренты, за № 25466, во 100 р., вслѣдствіе чего стипендіальный капиталъ возросъ до 5800 рублей и имѣеть приносить въ годъ дохода—220 р. 40 к.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени *протоіереемъ Никанора Андреевича Румянцева* и объ утвержденіи нижеслѣдующаго проекта положенія объ оной:

§ 1.

На проценты съ капитала, поступившаго по духовному завѣщанію вдовы протоіереемъ Елизаветы Петровны Румянцовой и возросшаго нынѣ (отъ приращенія процентами) до 5800 рублей (свидѣтельствами Государственной 4⁰/₀ ренты), учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени мужа завѣщательницы—*протоіереемъ Никанора Андреевича Румянцева*.

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи въ началѣ каждаго учебнаго года одному изъ достойнѣйшихъ своекоштныхъ студентовъ Академіи—сиротѣ, духовнаго званія.

§ 4.

Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ этому послѣднему для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

VIII. Прошеніе доцента Академіи по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *священника В. Н. Страхова*:

„Въ виду того, что съ раздѣленіемъ Священнаго Писанія Новаго Завѣта на двѣ кафедры пользованіе книгами изъ академической библіотеки стало затруднительнымъ, въ особенности книгами общаго характера, напр. новозавѣтными введеніями, словарями, грамматиками и под., имѣющимися въ академической библіотекѣ по большей части въ одномъ экземплярѣ,—имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи мнѣ пользоваться книгами фундаментальной университетской библіотеки и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать университетскую читальню. А такъ какъ пользованіе книгами изъ университетской библіотеки возможно или подѣ условіемъ внесенія залога въ размѣрѣ 50 рублей или подѣ условіемъ поручительства Совѣта Академіи за цѣлость и сохранность книгъ, то я, не имѣя никакой возможности внести требуемый залогъ, осмѣливаюсь просить Совѣтъ Академіи дать за меня поручительство, при чемъ я, конечно, обѣщаюсь заботиться о цѣлости и сохранности имѣющихся находиться у меня на рукахъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Университета и о томъ, чтобы пропускъ въ университетскую библіотеку данъ былъ мнѣ, если это возможно, не на мѣсячный срокъ, какъ обыкновенно, а на бѣльшій срокъ, напр. на годовой, такъ какъ ежемѣсячный обмѣнъ такого пропуска сопряженъ съ нежелательной тратой времени“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Г. Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи

просьбы доцента священника В. Н. Страхова, съ присовокупленіемъ, что Совѣтъ Академіи принимаетъ на себя ручательство за цѣлость и сохранность выдаваемыхъ священнику Страхову книгъ.

IX. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи *Алексыя Сперанскаго*:

„Избранный мною для спеціального изученія предметъ— каноническое право—требуетъ систематическаго ознакомленія съ общимъ цикломъ юридическихъ наукъ. Въ виду этого честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи ходатайствовать предъ Совѣтомъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи мнѣ въ настоящемъ 1911—1912 учебномъ году слушать лекціи по Юридическому Факультету и пользоваться Университетскою библіотекой съ освобожденіемъ отъ уплаты установленнаго гонорара“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи просьбы профессорскаго стипендіата А. Сперанскаго.

X. Отношенія:

а) Совѣта Казанской Духовной Академіи, отъ 2 іюня за № 808, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Московской Духовной Академіи книги: „*Παρίδας. Κρίσις τος ὁ Ἀλεξανδρείας ἀρχιεπίσκοπος. Λείψια.* 1884“.

б) Тобольской Духовной Консисторіи, отъ 11 іюня за № 9515, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращеннаго Совѣтомъ Академіи „дѣла“ Консисторіи за № 131, 1760 г.

в) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 28 іюня и 9 іюля, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей за №№ 739 („Обиходникъ столовый“), 12 („Сборникъ“ исх. XII или нач. XIII в.), 124 (1857) и 125 (1856).

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ отъ 28 іюня за № 1231, съ препровожденіемъ рукописей Лаврской библіотеки: 1) Златая Цѣпь XVI в. № 214 (1916), 2) Святцы XVI в. № 365 (1218), 3) Златая Цѣпь XVI в. № 11 (2025), 4) Требникъ № 233 (1001) и 5) Уст. Церк. скорописи исх. XVI в. № 247 (1525).

Справка: Означенныя въ послѣднемъ отношеніи рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользования ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Директора Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 7 іюля за № 84:

„По встрѣтившейся надобности, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ не отказать выслать, на весьма непродолжительный срокъ, рукопись XIX вѣка, 4^о, по времен. каталогу № 54, содержащую, между прочимъ, „Сказку попа Лазаря царю и патриарху“.

Справка: По распоряженію И. д. Ректора Академіи, рукопись за № 54 препровождена была Г. Директору Архивовъ при отношеніи отъ 16 іюля за № 317.—Въ полученіи ея имѣется увѣдомленіе отъ 25 іюля за № 89.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 18 августа за № 2388, съ препровожденіемъ аттестата *Владимира Архангельскаго* на званіе дѣйствительнаго студента Академіи за № 290 (замѣненнаго дипломомъ на степень кандидата богословія).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 11 августа за № 1526:

„Вслѣдствіе отношенія онаго Совѣта отъ 24 іюня сего года за № 296, Духовнымъ Соборомъ опредѣлено и Его Высокопреосвященство утвердилъ: Въ виду того, что студентъ 1-го курса *Константинъ Мещерскій* оставленъ на томъ же курсѣ на второй годъ и такъ какъ по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ распредѣленію приема студентовъ Академіи, въ 1911 году слѣдуетъ принять вновь трехъ человѣкъ, то для того, чтобы не было на 1-мъ курсѣ четырехъ человѣкъ, принять въ семь году на 1-й

курсъ двухъ человекъ и одного человекъ на 2-й курсъ, а именно принять на пособіе отъ Лавры студента 2-го курса іеромонаха *Іоанна (Маргіева)*, который обратился въ Св. Синодъ съ прошеніемъ о назначеніи ему Синодальной стипендіи, а Хозяйственное Управление при Св. Синодъ, отношеніемъ отъ 11-го іюня за № 22197-мъ, просило Духовный Соборъ о предоставленіи іеромонаху Іоанну пособія отъ Лавры. О чемъ Духовный Соборъ и имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1911 года *Николая Протасова*:

„Имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе на тему: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы“—историко-экзегетическій анализъ Дѣян. гл. XXV—XXVI—въ диссертацию для соисканія ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 г. за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертации съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея“.—2) Кандидатское сочиненіе г. Протасова отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: Дозволить кандидату Николаю Протасову переработать его кандидатское сочиненіе на указанную тему въ магистерскую диссертацию.—2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Отзывъ экстраординарнаго профессора С. П. Смирнова о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Кобринна Николая* на тему: „Древне-русскіе пноческіе уставы“:

„Сочиненіе распадается на четыре главы: I—критико-библиографическій обзоръ научной литературы о древне-русскихъ

иноческихъ уставахъ, II—библіографическое обслѣдованіе устава преп. Евфросина Псковскаго, III—критико-библіографическій обзоръ аскетической переводной литературы до полов. XV в., IV—историко-литературный анализъ устава преп. Евфросина.

Начальная глава сочиненія является обстоятельнымъ критическимъ обзоромъ научной литературы о нашихъ древнихъ иноческихъ уставахъ. Но авторъ не взялъ на себя труда самостоятельно обслѣдовать всѣ ихъ. Назвавъ свое сочиненіе историко-литературнымъ изслѣдованіемъ, онъ сосредоточиваетъ главное вниманіе (гл. II и IV) на изученіи съ этой стороны одного устава преп. Евфросина Псковскаго. Извѣстно, что уставъ этотъ недавно обслѣдованъ въ книгѣ *Н. И. Серебрянскаго*, Очерки по исторіи монашеской жизни въ Псковской землѣ (М. 1908). Но г. Кобринъ, получившій свою тему еще въ 1903 году, совершенно самостоятельно его выбралъ изъ ряда древнихъ монашескихъ уставовъ и работалъ, можно сказать, параллельно съ г. Серебрянскимъ. Поэтому его анализъ устава не является повтореніемъ выводовъ г. Серебрянскаго, но даетъ много новаго и цѣннаго. Въ трудѣ г. Кобринъ текстъ Евфросинова устава разобранъ болѣе подробно и почти къ каждой фразѣ, за незначительными исключеніями, трудолюбиво подысканы параллели изъ древней письменности главнымъ образомъ аскетической, что значительно пополняетъ сопоставленія, сдѣланныя въ Очеркахъ г. Серебрянскаго.

Однако отрицать вліяніе названной книги на нашего автора нельзя, и въ иныхъ случаяхъ вліяніе это послужило къ ущербу для работы послѣдняго. Вопросъ объ исторической достовѣрности житійнаго разсказа объ участіи преп. Евфросина въ спорахъ объ аллилуіи г. Кобринъ рѣшаетъ по Серебрянскому, игнорируя мнѣніе академ. Голубинскаго и Соболевскаго и едва ли удачно. Анализируя очень важную для этого вопроса статью устава „о потребахъ“, въ частности слова о 12 кошницахъ въ Царьградѣ, нашъ авторъ не идетъ дальше „Очерковъ“ (см. 253—55 стр.), а между тѣмъ статья эта нуждается въ обстоятельномъ археологическомъ экскурсѣ о 12 кошницахъ, въ результатъ котораго, мы увѣрены, для г. Кобринъ получился бы убѣдительный выводъ, что преп. Евфросинъ не имѣлъ яснаго представленія о царьградскихъ

святыняхъ, писалъ вѣроятно по наслышкѣ, слѣдовательно въ Царьградѣ самъ не былъ, а это дѣлаетъ сомнительнымъ его участіе въ спорѣ объ аллилуіи и подрываетъ довѣріе къ знаменитому житію Евфросина Псковскаго.—По вопросу о томъ, представляетъ ли извѣстный теперь текстъ Евфросинова устава весь памятникъ или конца его мы не знаемъ, авторъ отвѣчаетъ въ положительномъ смыслѣ, но безъ достаточныхъ основаній (стр. 75).

Не смотря однако на отмѣченные недочеты, которые при томъ являются частностями, сочиненіе г. Кобринна надо признать очень обстоятельной кандидатской работой.

Справка: 1) Николай Кобринъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1904-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ Кобринъ имѣетъ баллъ 4 $\frac{1}{2}$.—3) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.—

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи *Кобринна Николая* удостоить степени кандидата богословія съ представленіемъ ему права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.—

XVI. Славное Его Высокопреосвященствомъ прошеніе студента IV курса Академіи *Максимиліана Труфанова:*

„Во исполненіе словъ Спасителя: „просите и дано будетъ вамъ“, „стучите и отворятъ вамъ“, я, Ваше Высокопреосвященство, снова стучу въ двери Вашего сердца и снова осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ дать мнѣ возможность кончить Академію осенью настоящаго 1911 года“.

На семъ прошеніи резолюція Его Высокопреосвященства за № 2962: „1911 г. Іюня 27. За двукратнымъ обсужденіемъ этого вопроса въ Совѣтѣ М. Д. Академіи и отрицательнымъ рѣшеніемъ его, прошеніе это отклонить“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства объявить студенту Максимилиану Труфанову.

XVII. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина* о томъ, что студенты: III курса—*Ильинскій* Николай, *Максимовъ* Александръ, *Телятьевъ* Валеріанъ и II курса—*Ивановъ* Петръ сдали отложенныя имъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 7 іюня сего года, на послѣдканикулярное время устныя испытанія по одному или вѣсколькимъ предметамъ соответствующихъ курсовъ и получили удовлетворительныя отмѣтки.

Справка: По § 110 лит. а п. 15 устава духовныхъ академіи „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Студентовъ III курса — *Ильинскаго* Николая, *Максимова* Александра, *Телятьева* Валеріана и II курса—*Иванова* Петра перевести въ слѣдующіе курсы и дать соответствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Сент. 23. По ст. VII. Готовъ ходатайствовать. Прочее читано и утверждается“.

22 сентября 1911 года.

№ 20.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина*, и. д. Инспектора—ординарный профессоръ *А. И. Введенскій*, ординарные профессора *А. А. Спасскій* и *М. М. Тарѣевъ*, экстраординарные профессора—*С. И. Соболевскій*, *И. В. Поповъ*, *М. М. Богословскій*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій* и *А. П. Орловъ*.

Отсутствовали: ординарный профессоръ *С. С. Глаголевъ*; экстраординарные профессора—*П. П. Соколовъ* и *С. И. Смирновъ*.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 6. Въ Совѣтъ Московскои Духовнои Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября за № 11867:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 26 Августа сего года № 8567, о томъ, что Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣшему докладу имъ, Г. Оберъ-Прокуроромъ, опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 22 Августа сего года за № 6383, благоугодно было, въ 26 день того же Августа, въ Петергофѣ, Всемилостивѣйше утвердить составленный образованною съ Высочайшаго соизволенія при Святѣйшемъ Синодѣ Комиссіею для выработки проекта устава духовныхъ семинарій и училищъ и соотвѣтствующихъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи—*проектъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи*. Приказали: 1) Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи, для напечатанія во всеобщее извѣстіе, сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ, и въ редакціи Правительственнаго Вѣстника и Церковныхъ Вѣдомостей по принятому порядку, съ приложеніемъ Высочайше утвержденныхъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи, а Ваше Преосвященство, Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго, Архіепископа Казанскаго и Епископа Нарвскаго увѣдомить указами, съ приложеніемъ означенныхъ измѣненій; 2) Высочайше утвержденныя 26 Августа сего года измѣненія въ Уставѣ духовныхъ Академіи ввести въ дѣйствіе со времени опубликованія настоящаго Высочайшаго соизволенія, пояснивъ при семъ: а) что примѣчаніе къ § 65 Устава духовныхъ академіи о томъ, что „въ священномъ санѣ должно состоять не менѣе половины всѣхъ членовъ Совѣта“ академіи не распространяется на состоящихъ уже въ настоящее время членами Совѣтовъ преподавателей духовныхъ академіи и б) что измѣненія, касающіяся пріема въ число студентовъ духовныхъ академіи, имѣютъ быть введены въ дѣйствіе съ 1912—1913 учебнаго года, и 3) поручить С.-Петербургскои Синодальной Типографіи напечатать Уставъ духовныхъ академіи съ означенными измѣненіями, а равно съ измѣненіями, Высочайше одоб-

ренными 29 Юля сего года, въ количествѣ 600 экземпляровъ, изъ коихъ 100 представить въ Синодальную Канцелярію, а остальные пустить въ продажу“.

б) *Проектъ измѣненій въ Уставъ духовныхъ академій*, Высочайше утвержденный въ 26-й день Августа 1911 года (опубликованъ въ № 38-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“, отъ 17 сентября 1911 года).

Опредѣлили: Высочайше утвержденныя измѣненія въ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій съ поясненіями, изложенными въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября сего года за № 11867,—принять къ исполненію и руководству.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 12. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 сентября за № 12186:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: отношеніе временно управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 7 текущаго Сентября за № 6000, по ходатайству Императорскаго Посланника въ Болгаріи о приемѣ въ настоящемъ учебномъ году въ Московскую духовную академію, на болгарскую стипендію, окончившаго Софійскую духовную семинарію и выдержавшаго конкурсное испытаніе для полученія означенной стипендіи болгарско-подданнаго *Дмитрія Дюлгерова*. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Дюлгерова въ академію безъ экзаменовъ, въ настоящемъ учебномъ году, на болгарскую стипендію; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 16 сентября за № 12511:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: два прошенія окончившаго курсъ Самарской духовной семинаріи и юридическій факультетъ Императорскаго Казанскаго университета младшаго кандидата на судебныя должности при

Уральскомъ Окружномъ Судѣ *Сергѣя Постникова* о принятіи его въ число студентовъ духовной академіи. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Постникова въ текущемъ учебномъ году въ число своекоштныхъ студентовъ академіи, согласно примѣч. къ § 137 Высочайше утвержд. 26 Августа сего года измѣненной Уст. дух. акад., съ тѣмъ, чтобы Постниковъ, въ виду обнаруженнаго у него врачомъ С.-Петербургской духовной академіи болѣзненнаго состоянія легкихъ, проживаль внѣ академіи; о чемъ и послать указъ Вашему Преосвященству“.

Опредѣлили: Указы Святейшаго Синода принять къ исполненію.

III. Предложеніе Его Высокопреосвященства отъ 2 сентября за № 370:

„Совѣту Московской Духовной Академіи, какъ мнѣ известно, предстоить избрать преподавателей на свободныя кафедры въ названной Академіи (по Патристикѣ, Археологіи, Литургикѣ, Церковно-слав. языку, Сектантству и Расколу), что является дѣломъ весьма серьезнымъ и отвѣтственнымъ, а между тѣмъ Преосвященному Ректору Академіи, вслѣдствіе серьезной болѣзни его, не представляется возможнымъ лично руководить дѣлами Совѣта.

Вслѣдствіе вышензложеннаго считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что я съ своей стороны признаю особенно необходимымъ, чтобы выборы преподавателей на свободныя кафедры при Академіи было отложено до вступленія Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Теодора, въ исполненіе имъ своихъ обязанностей“.

Опредѣлили: Предложеніе Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 31 августа, № 16: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Войти съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ. По ст. III. Разрѣшается постановленіе Совѣта привести въ исполненіе. Прочее смотрѣно“.

б) 31 августа, № 17: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Г. Воз-

несенскаго разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи безъ повѣрочныхъ испытаній, съ предоставленіемъ ему права жить на частной квартирѣ и на свои средства. По ст. III. Бывшаго студента Казанской Академіи Владимірова разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ посторонняго лица. Прочее читано“.

в) 1 сентября, № 18: „1911 г. Сент. 17. По ст. IV. Смирнова Николая разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи I-го курса съ дозволеніемъ ему жить у Ректора Видавской Семинаріи. Прочее смотрѣно и утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 20 сентября за № 2865:

„Предсѣдатель Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія и Вице-Президентъ Практической Восточной Академіи вошелъ на имя Оберъ-Прокурора Св. Синода съ ходатайствомъ о ежегодномъ командированіи въ Практическую Восточную Академію того числа слушателей, какое будетъ признано полезнымъ Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія.

Эти стипендіаты могутъ или изучать лишь восточные языки или проходить полный академическій курсъ. Послѣднее было бы особенно желательно для тѣхъ дѣятелей Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, которые, по окончаніи курса духовной Академіи, будутъ предназначаться для руководительства дѣломъ духовнаго просвѣщенія въ восточныхъ епархіяхъ.

Въ виду сего Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи сообщить свое заключеніе по содержанію означеннаго ходатайства для доклада Св. Синоду.

При семъ прилагаются справочныи свѣдѣнія о Практической Восточной Академіи“.

Опредѣлили: Предложеніе г. Предсѣдателя Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія и Вице-Президента Практической Восточной Академіи передать на предварительное обсужденіе и заключеніе комиссіи изъ экстраординарныхъ профессоровъ Академіи С. И. Соболевскаго, И. В. Попова и священника Е. А. Воронцова.

VI. Докладъ секретаря Совѣта Н. Д. Встѣхвятскаго:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что 9-го сентября текущаго 1911 года исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія на штатную преподавательскую должность при Московской Духовной Академіи нынѣ временно исполняющаго обязанности Ректора оной—Г. Инспектора Академіи исправляющаго должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Павловича *Шостына*“.

Справка: По § 88 устава духовныхъ академій: „Профессоръ ординарный или экстраординарный, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности академическаго преподавателя, удостоивается званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ удостоеніи Инспектора Академіи, исправляющаго должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, магистра богословія, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *А. П. Шостына* званія заслуженнаго профессора Академіи.

VII. а) Прошеніе исправляющаго должность помощника бібліотекаря Академіи *Н. И. Боткина*, отъ 2-го сентября 1911 года:

„Представляя при семъ удостовѣреніе врача, свидѣтельствующаго о моей полной неспособности вслѣдствіе болѣзни продолжать службу, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи уволить меня отъ занимаемой мною должности и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи мнѣ единовременнаго пособія на леченіе“.

б) Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1911 года, нынѣ преподавателя Томской духовной семинаріи, *іеромонаха Игнатія (Садковского)*, отъ 31 августа 1911 года:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи назначить меня на должность помощника бібліотекаря, если таковая будетъ свободна“.

в) Прошеніе бывшаго студента IV курса Кіевской Духовной Академіи, нынѣ секретаря Епископа Рыльскаго, Курской епархіи, *іеродіакона Веніамина (Исупова)*, отъ 28 мая 1911 года:

„Если представится когда-либо возможность опредѣлить меня помощникомъ Библіотекаря Московской Духовной Академіи, то о семъ почтительнѣйше имѣю заявить и просить Совѣтъ Академіи.

Іеродиакономъ, какъ академистъ, я—восьмой годъ, а изъ Академіи Кіевской, согласно прошенію, выбылъ уже пятый годъ,—въ 1906 году.

По формуляру моя служба такова: былъ надзирателемъ духовнаго училища, жилъ въ монастырѣ, состоялъ преподавателемъ богословскихъ наукъ, теперь же—въ настоящей должности. Мнѣ всего 29 лѣтъ.

Дѣло книжное и дѣло литературное—мое любимое дѣло“.

Справка: 1) По § 110 лит. б п. 1 устава духовныхъ академіи „избраніе кандидатовъ... на должности... библіотекаря и его помощника“ и „увольненіе отъ службы только что поименованныхъ должностныхъ лицъ“ значится въ числѣ дѣлъ *Совѣта* Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея; дѣла же о назначеніи пенсій и пособій служащимъ въ Академіи, по § 125 лит. в п. 6 прим. того же устава, представляются *Правленіемъ* Академіи Епархіальному Архіерею для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.—2) По § 96 академическаго устава: „Библіотекаръ и его помощникъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ—первый высшее богословское образованіе, а послѣдній образованіе не ниже средняго“.—3) Послѣ бывшихъ разсужденій, кандидатомъ на освобождающуюся должность помощника библіотекаря Академіи единогласно избранъ былъ *іеромонахъ Игнатій (Садковский)*, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17—19 августа текушаго 1911 года за № 6131 назначенный на должность преподавателя гомилетики, литургіики и практическаго руководства для пастырей въ Томскую духовную семинарію, но, насколько извѣстно Совѣту, къ мѣсту службы, по болѣзни, еще не являвшійся и въ должность не вступавшій.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ увольненіи и. д. помощника библіотекаря Академіи Николая *Боткина*, согласно его прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности и о перемѣщеніи на должность помощника библіотекаря Академіи пре-

подавателя Томской духовной семинаріи, кандидата богословія, *ієромонаха Игнатія (Садковскаго)*.—2) Дѣло объ исходатайствованіи г. Боткину единовременнаго пособія на леченіе передать, по принадлежности, въ Правленіе Академіи.

VIII. Прошеніе преподавателя Астраханской духовной семинаріи, кандидата Академіи выпуска 1910 года, *Дмитрія Вышеславова*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать кандидатское сочиненіе на тему „Церковныя историки Сократъ и Созоменъ по ихъ сравнительной цѣнности для изученія церковно-историческихъ событій IV и первой половины V вѣка“ для представленія его на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертациі съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея“.—2) Кандидатское сочиненіе г. Вышеславова отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Дозволить кандидату Дмитрію *Вышеславову* переработать его кандидатское сочиненіе на указанную тему въ магистерскую диссертацию.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IX. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы; отъ 6 сентября за № 2371, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Московской Синодальной Библіотеки за № 114 („Огласительныя и тайноводственныя поученія Св. Кирилла Іерусалимскаго“).

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 19 сентября за № 1713, съ препровожденіемъ на 1911—1912 учебный годъ рукописи Лаврской бібліотеки „Опись 1642 г. № 1-й“ и просьбою объ особенно строгомъ наблюденіи за цѣлостью и сохранностью означенной рукописи, каковая, немедленно по полученіи, и сдана, для храненія и пользованія ею, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отношеніе Совѣта Рязанскаго епархіальнаго женскаго Училища, отъ 31 августа за № 641:

„Совѣтъ Рязанскаго Епархіальнаго Женскаго Училища ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Московской Академіи о высылкѣ на опредѣленный срокъ въ Совѣтъ названнаго училища книги, хранящейся въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи за № по каталогу 155/315, Сергѣя Соловьева „Историко-литературныя этюды, выпускъ I къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ“ Харьковъ, 1895 г. Означенная книга нужна преподавателю Училища Петру Исаеву для научныхъ занятій. Въ указанный Академіей срокъ книга будетъ возвращена“.

Опредѣлили: Увѣдомить Совѣтъ Училища, что просимая книга находится въ пользованіи у сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи М. Д. Муретова и выслана быть не можетъ.

XI. Прошеніе студента IV курса Академіи *Павла Новгородскаго*:

„Въ научныхъ цѣляхъ мнѣ, какъ пишущему кандидатское сочиненіе на тему: „Хозяйство Троицкаго Сергіева монастыря предъ секуляризацией и послѣ нея“, необходимо ознакомиться съ актами и рукописями Лаврскаго архива и бібліотеки.

Прошу покорнѣйше Совѣтъ Академіи оказать мнѣ въ этомъ свое просвѣщенное содѣйствіе и дать мнѣ возможность безпрепятственно посѣщать бібліотеку Сергіева монастыря“.

На семь прошеніи надпись экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго*: „Имѣю честь удостовѣрить, что г. Новгородскій работаетъ подъ моимъ руководствомъ и что ознакомленіе съ актами Лаврскаго архива и бібліотеки для него необходимо“.

Опредѣлили: Просить Духовный Соборъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры не отказать студенту *Новгородскому* въ разрѣшеніи ознакомиться съ актами и рукописями Лаврскаго архива и бібліотеки, необходимыми ему при написаніи кандидатскаго сочиненія на вышеуказанную тему, въ тѣхъ пре-

дѣлахъ и при тѣхъ условіяхъ, какіе самъ Соборъ найдетъ болѣе удобными.

ИИ. а) Прошеніе студента IV курса Академіи *Іосифа Мацкевича*:

„Въ виду моего болѣзненнаго состоянія, требующаго условій жизни частной квартиры, покорнѣйше прошу, Ваше Преосвященство, позволить мнѣ и въ этомъ учебномъ году пользоваться частной квартирой. Медицинское свидѣтельство академическаго врача при семъ прилагаю“.

б) Удостовереніе врача Академіи *А. В. Тамина*:

„Симъ удостоверяю, что студентъ IV курса Московской Духовной Академіи *Мацкевичъ Іосифъ* страдаетъ катарромъ желудка, неврастеніей и малокровіемъ, и что ему, въ виду слабости его здоровья, необходимо жить на частной квартирѣ“.

Справка: 1) Разрѣшеніе студенту *Мацкевичу*, въ виду его болѣзненнаго состоянія, засвидѣтельствованнаго академическимъ врачомъ, жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ, дано было Совѣтомъ Академіи, въ собраніи 17 марта 1910 года, на основаніи (примѣнительномъ) указа Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго *Флавіана*, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12 октября 1906 года за № 11174, коимъ Совѣту Кіевской Духовной Академіи предоставлено было „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящимъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, напримѣръ, болѣзни, нервнаго растройства, надлежаще удостоверенныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.—2) По § 147, примѣч. нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій: „Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ прим. къ § 141“ (нынѣ—къ § 137-му; т. е. поступившихъ въ Академію по окончаніи курса какого-либо высшаго учебнаго заведенія).

Опредѣлили: Признать, въ виду даннаго академическимъ врачомъ удостовѣренія, просьбу студента IV курса Юсифа *Мацкевича* о разрѣшеніи ему жить на частной квартирѣ за-служивающею уваженія, но, за отсутствіемъ у Совѣта Академіи формальныхъ основаній къ ея удовлетворенію, — представить оную на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

XIII. Прошеніе студента I курса Академіи *Петра Алферова*:

„Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ жить у своей матери, которая переселяется на постоянное мѣстожителство въ Сергіевъ Посадъ“.

Опредѣлили: На основаніи вышеизложеннаго (ст. XII, п. 2 справки) примѣчанія къ § 147 устава духовныхъ академій, — разрѣшить студенту I курса *Петру Алферову* жить у матери его, въ академическаго общежитія, съ выдачею названному студенту назначенной ему на 1911—1912 учебный годъ казенной стипендіи на руки помѣсячно:

XIV. Прошеніе бывшаго студента I курса Академіи *Николая Ильинскаго*:

„Въ 1910-мъ году, по выдержаніи пріемныхъ испытаній, я подъ № 15-мъ былъ зачисленъ студентомъ Московской Духовной Академіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1910 года, по свидѣтельству врача, я уѣхалъ въ отпускъ въ Томскую губернію, къ своему отцу, священнику с. Мазаловскаго, Томскаго уѣзда. Въ Октябрѣ подалъ прошеніе объ увольненіи меня изъ Академіи, за назначеніемъ на должность псаломщика, что было вызвано (увольненіе) недостаточностью средствъ въ уплату содержанія въ пансіонѣ Академіи. Имѣя въ настоящее время матеріальную возможность продолжать образованіе въ Академіи, я запросилъ предъ началомъ учебныхъ занятій, телеграфнымъ путемъ, Владыку Ректора Академіи о принятіи меня обратно въ Академію, но получилъ отвѣтъ, что поздно и курсъ переполненъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что иногда среди учебнаго года, за выходомъ кого-либо изъ студентовъ, оказываются свободными вакансіи, покорнѣйше и почтительнѣйше смѣю просить Совѣтъ зачислить меня студентомъ, если откроется таковая вакансія, на I-й курсъ, частнымъ пансіонеромъ“.

Опредѣлили: За совершеннымъ отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи,—просьбу бывшаго студента I курса Академіи Николая *Ильинскаго* объ обратномъ принятіи его въ Академію—отклонить.

XV. а) Прошеніе студента I курса Казанской Духовной Академіи *священника Константина Вышелтскаго*:

„Въ Іюль мѣсяцѣ сего года, когда еще не было разрѣшено семейнымъ священникамъ поступать въ Московскую Духовную Академію, я подалъ прошеніе о допущеніи меня къ приемнымъ испытаніямъ на поступленіе къ Казанскую Духовную Академію и въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ успѣшно сдалъ всѣ экзамены, получивъ слѣдующіе баллы: за проповѣдь 4, 75, за сочиненія—по философіи 3, 50 и по основному богословію 4 и по устнымъ предметамъ: священному писанію 3, 75, догматическому богословію 3, исторіи Церкви 4+и по латинскому языку 4, такъ что, въ виду этихъ балловъ, а равно и общаго балла по моему аттестату выше 4, я въ списокѣ принятыхъ въ Казанскую Академію по экзамену 59 лицъ занялъ одиннадцатое мѣсто. Но въ концѣ своего пребыванія въ Казани я заболѣлъ мѣстной болѣзью—маляріей, предрасположенность къ которой установлена была у меня врачомъ Академіи еще при медицинскомъ освидѣтельствованіи всѣхъ, прибывшихъ держать экзаменъ на поступленіе къ Академію.

Имѣя же въ виду, что, въ случаѣ дальнѣйшаго моего пребыванія въ Казани, малярія, какъ болѣзнь часто повторяющаяся, опять будетъ приносить существенный вредъ моему здоровью и немалый ущербъ моимъ занятіямъ, въ подтвержденіе чего при семъ прилагаю свидѣтельство врача Казанской Духовной Академіи, и что болѣзнь эта въ случаѣ моего перехода въ Московскую Академію, по отзывамъ врачей, совершенно оставитъ меня, въ виду перемѣны климата, усерднѣе прошу Ваше Преосвященство принять меня въ число студентовъ вѣрнной Вамъ Академіи и если нельзя, за неимѣніемъ мѣста, опредѣлить меня въ общежитіе, то разрѣшить мнѣ проживать на квартирѣ.

Всѣ требующіеся для опредѣленія въ Академію документы мои находятся у Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи“.

б) Удостовереніе г. врача Казанской Духовной Академіи отъ 1 сентября с. г:

„Сіе дано священнику о. Константину Вышелѣскому въ томъ, что 16 Августа 1911 года при медицинскомъ освидѣтельствѣ лицъ, прибывшихъ держать экзаменъ на поступленіе въ Казанскую Духовную Академію, онъ, о. Вышелѣскій, признавъ мною былъ предрасположеннымъ къ заболѣванію маляріей и затѣмъ вскорѣ заболѣлъ маляріей и что ему въ виду его не вполнѣ крѣпкаго тѣлосложенія и предрасположенности къ маляріи вредно пребываніе въ г. Казани“.

в) Телеграмму Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи *Епископа Алексія* отъ 5 сентября за № 40:

„Вышелѣскій сдалъ экзамены вполнѣ удовлетворительно. Принять одиннадцатымъ, волонтеромъ“...

Опредѣлили: Признавая просьбу студента I курса Казанской Духовной Академіи *священника Константина Вышелѣскаго* заслуживающе уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о перемѣщеніи священника Вышелѣскаго въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Московской Духовной Академіи, съ разрѣшеніемъ ему, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействомъ на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ.

XVI. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина*:

„Какъ извѣстно Совѣту изъ указа Святѣйшаго Синода отъ 18 августа сего года за № 11045,—опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 августа 1911 года за № 5937, предоставлено было Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе штабсъ-капитану запаса инженерныхъ войскъ Николаю Бѣляеву, окончившему курсъ Николаевскаго Инженернаго училища и офицерской военной электротехнической школы, и поручнику Симанскому держать экзамены для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи, съ освобожденіемъ перваго изъ нихъ отъ экзамена по древнимъ языкамъ. — На всеподданнѣшемъ докладѣ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода означеннаго Синодальнаго опре-

дѣленія, отъ 11 августа сего года за № 5937, Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было, въ 12-й день Августа, въ Петергофѣ, Собственноручно начертать: „Согласень“.

Поручикъ *Симанскій* къ повѣрочнымъ испытаніямъ, бывшимъ въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1911 года, не явился, представивъ въ Совѣтъ Академіи прошеніе слѣдующаго содержания: „Честь имѣю просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи зачислить меня въ число студентовъ этой Академіи.—При семъ имѣю честь сообщить, что вступительные экзамены мною успѣшно выдержаны въ Казанской Академіи, близъ которой я, получивъ отпускъ, проживалъ.—Получивъ экстренно разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, основанное на Высочайшемъ соизволеніи, мнѣ держать экзамены, въ виду краткаго срока, оставшагося до начала экзаменовъ, я уже не счелъ возможнымъ возвращаться въ Москву и держалъ при Казанской Академіи, о чемъ послѣдняя, въ случаѣ необходимости, увѣдомить Московскую Академію. Считаю долгомъ присовокупить, что имѣю возможность содержать себя на личныя средства и даже жить въ Посадѣ у моихъ родителей, не обременяя всѣмъ этимъ Московскую Академію“.

По выслушаніи сего прошенія въ собраніи 31 августа 1911 года, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „Сужденіе по изложенному прошенію поручика Андрея Симанскаго отложить до полученія свѣдѣній изъ Казанской Духовной Академіи о результатахъ сданныхъ имъ при названной Академіи повѣрочныхъ испытаній“.

4-го и 5-го текущаго сентября ко мнѣ поступили отъ Ректора Казанской Духовной Академіи, Преосвященнаго Алексія, Епископа Чистопольскаго, двѣ телеграммы по этому дѣлу слѣдующаго содержания: 1) „Симанскій не изучалъ латинскаго; остальное тройки; вообще слабъ. Заявилъ (на) миссіонерское отдѣленіе. Сужденіе (о) принятіи (послѣ) отставки. Епископъ Алексій“; 2) ...„Симанскаго, полагаю, слѣдуетъ подвергнуть новымъ экзаменамъ. Епископъ Алексій“.

Долгомъ считаю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Предложить *поручику Андрею Симанскому*, въ случаѣ желанія поступить въ число студентовъ *Москов-*

ской Духовной Академіи, въ точности выполнить требованія, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 11 августа сего 1911 года за № 5937, и при *Московской* же Духовной Академіи сдать повѣрочныя испытанія по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ § 143 устава духовныхъ академіи 1910 года, не исключая и испытанія по одному изъ древнихъ языковъ.

XVII. Сданные Его Высокопреосвященствомъ:

а) Прошеніе на имя Его Высокопреосвященства Московской Духосошестввенской, что на Даниловскомъ кладбищѣ, церкви *священника Александра Піуновскаго*:

„Сынъ мой — студентъ Московской Духовной Семинаріи (выпуска 1910 года) *Николай Піуновскій* въ минувшемъ Августѣ мѣсяцѣ сего 1911 года держалъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Московскую Духовную Академію, но не былъ принятъ въ оную. Причиною этого послужило то обстоятельство, что онъ получилъ неудовлетворительную отмѣтку на сочиненіи по Нравственному Богословію (2^{1/2}), но при всемъ томъ общая сумма балловъ является у него болѣе высокой, чѣмъ у троихъ его товарищей, назначенныхъ кандидатами къ поступленію въ Академію, а именно у него 40, 75, а у нихъ 39 съ дробью. Соотвѣтственно среднему выводу балловъ, онъ, Піуновскій, помѣщенъ въ списокъ 30-мъ, т. е. первымъ послѣ 29 принятыхъ безусловно и, слѣдовательно, выше тѣхъ троихъ товарищей, о принятіи которыхъ ходатайствуетъ Совѣтъ Академіи. Полученная неудовлетворительная отмѣтка на сочиненіи, по моему мнѣнію, есть явленіе случайное, такъ какъ онъ во все время своего ученія, съ I-го класса училища и до конца Семинаріи, былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, тѣмъ не менѣе неудовлетворительный баллъ (2^{1/2}), по какимъ бы причинамъ онъ ни былъ поставленъ, ставить сына моего въ разрядъ невыдержавшихъ испытаній, и Совѣтъ Московской Академіи своею властью не можетъ его зачислить въ студенты Академіи.

Посему, припадая къ стопамъ Вашего Высокопреосвященства, осмѣливаюсь просить Васъ, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря, оказать мнѣ милость—принять моего сына Николая Піуновскаго въ число студентовъ Московской Духовной Академіи и тѣмъ дать ему возможность по-

лучить высшее духовное образованіе и послужить Церкви Божіей. Документы его находятся въ Канцеляріи Совѣта Академіи“.

б) Докладъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. И. Шостына, отъ 15 сентября за № 579:

„Возвращая при семъ прошеніе священника Александра Піуновскаго, имѣю честь почтительнѣйше доложить Вашему Высокопреосвященству, что сынъ его—студентъ Московской Духовной Семинаріи *Николай Піуновскій*—не былъ принятъ въ число студентовъ Академіи на точномъ основаніи правилъ, присланныхъ Совѣту Академіи изъ Святѣйшаго Синода (при указѣ отъ 9 августа с. г. за № 10593) для руководства. По этимъ правиламъ (§ 2), получившій баллъ ниже 3 на *письменныхъ экспромптахъ*, не можетъ считаться выдержавшимъ экзаменъ удовлетворительно (независимо отъ прочихъ балловъ и суммы ихъ).

Весьма возможно, что баллъ $2\frac{1}{2}$ на экспромптѣ по нравственному богословію явился у студента Піуновскаго случайностью. Но Совѣтъ Академіи не считаетъ себя вправѣ отступать отъ данныхъ ему руководственныхъ правилъ или измѣнять ихъ. И потому, въ случаѣ освобожденія мѣста въ академическомъ общежитіи, въ число студентовъ долженъ быть принятъ одинъ изъ троицъ, теперь не принятыхъ, но выдержавшихъ экзамены—по смыслу правилъ—вполнѣ удовлетворительно, хотя по суммѣ балловъ они стоятъ ниже Піуновскаго.

Изъ журнала Совѣта Академіи за № 17, сегодня представляемаго, и изъ таблицы балловъ, при немъ приложенной, Ваше Высокопреосвященство изволите усмотрѣть справедливость настоящаго доклада“.

На семъ докладѣ резолюція Его Высокопреосвященства за № 4399: „1911 г. Сент. 17. На основаніи сего отзыва просьбу о. Піуновскаго отклонить“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства сообщить священнику Александру Піуновскому.

XVIII. а) Прошенія студентовъ III курса Академіи *Дмитрія Августова*, *Ивана Веселова* и *Анатолія Куркина*—о разрѣшеніи имъ въ текущемъ учебномъ году, въ свободные (за выслушаніемъ положеннаго количества групповыхъ предметовъ на

предшествующихъ курсахъ) часы, отведенные по росписанію для групповыхъ предметовъ, прослушать курсъ *исторіи русской литературы*, принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ по этому предмету и сдать въ концѣ года экзамены по оному.

б) Прошенія студентовъ III курса Академіи Ивана Богдановича, Николая Бойкова, Сергѣя Виноградова и Андрея Семёнова о разрѣшеніи имъ, при тѣхъ же условіяхъ, прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ *русской гражданской исторіи*.

Опредѣлили: 1) Разрѣшить просителямъ въ текущемъ учебномъ году, въ свободные лекціонные часы, отведенные для групповыхъ предметовъ,—прослушать учебные курсы, участвовать въ практическихъ занятіяхъ и сдать въ концѣ года экзамены по указаннымъ въ ихъ прошеніяхъ предметамъ.—2) Въ разъясненіе возникшихъ недоразумѣній объявить студентамъ III курса, что изъ числа ихъ: 13 человекъ, изучавшіе въ минувшемъ учебномъ году (изъ групповыхъ предметовъ) церковно-славянскій языкъ съ палеографіей, — *обязаны* прослушать въ текущемъ 1911—1912 учебномъ году курсъ *исторіи русской литературы*; 8 человекъ, изучавшіе исторію и обличеніе русскаго раскола старообрядчества, — курсъ *исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій* и 1 студентъ, изучавшій исторію Греко-восточной церкви, — курсъ *русской гражданской исторіи*.

XIX. а) Прошеніе студента II курса Александра Вознесенскаго:

„Избравъ въ прошедшемъ академическомъ году для изученія первую группу предметовъ, я имѣлъ въ виду не только общую гражданскую исторію, но и русскую, которую и надѣялся слушать въ текущемъ году. Посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ слушать *русскую гражданскую исторію*, освободивъ отъ слушанія исторіи Греко-восточной, румынской и славянскихъ церквей, составлявшей въ прошломъ году самостоятельную группу“.

б) Прошенія студентовъ II курса Сергѣя Залѣскаго, Павла Кузнецова, Алексѣя Паргачевского, Александра Плотникова, Ивана Подлущаго, Тихона Попова, Михаила Руберовскаго,

Константина *Тихомирова* и Евгения *Ярошевича*—тождественнаго съ вышеизложеннымъ содержанія.

Справка: 1) По уставу духовныхъ академій 1910 года, студенты, избравшіе для спеціальнаго изученія *первую* группу предметовъ, обязаны были слушать: на I курсѣ—общую гражданскую исторію, на II курсѣ—русскую гражданскую исторію, что и принято было къ исполненію при распредѣленіи предметовъ по курсамъ въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году.—2) По Высочайше одобреннымъ въ 29 день іюля 1911 года измѣненіямъ въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ академій каѳедра общей гражданской исторіи въ академіяхъ была закрыта; въ *первую* же группу предметовъ спеціальнаго изученія вошли: русская гражданская исторія (на I курсѣ) и исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей (на II курсѣ).—3) При распредѣленіи, въ собраніи 31 августа текущаго 1911 года, лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія на 1911—1912 учебный годъ, Совѣтъ Академіи, имѣя въ виду, что вышепоименованные студенты II курса, первой группы, уже выслушали въ минувшемъ учебномъ году одинъ изъ групповыхъ предметовъ (общую гражданскую исторію), хотя и по закрытой нынѣ каѳедрѣ, постановилъ обязать ихъ въ текущемъ году прослушать курсъ *исторіи Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей*, отнесенный по новой редакціи § 130-го устава духовныхъ академій именно на второй годъ академическаго преподаванія.

Опредѣлили: Не усматривая основаній къ измѣненію постановленія отъ 31 августа текущаго 1911 года, просьбу вышепоименованныхъ десяти студентовъ II курса Академіи отклонить, разъяснивъ имъ, что курсъ русской гражданской исторіи они могутъ, въ случаѣ желанія, прослушать на одномъ изъ послѣдующихъ курсовъ (III или IV).

XX. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі преподавателя Подольской духовной семинаріи, нынѣ Инспектора народныхъ училищъ Вологодскаго уѣзда, Алексѣя *Шаранова*, подъ заглавіемъ: „Вторая книга Ездры. Историко-критическое введеніе въ книгу“, онъ назначаетъ

(вмѣсто вышедшаго въ отставку экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*) члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Соболевскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Представленный, согласно порученію Совѣта Академіи отъ 1 сентября сего года, комиссіею (подъ предсѣдательствомъ *И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыкина* и въ составѣ: ординарныхъ профессоровъ *А. И. Введенскаго* и *С. С. Глаголева* и экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*) проектъ распредѣленія на 1911—1912 учебный годъ между студентами Академіи *казенныхъ и частныхъ стипендій*.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что по заслуханному въ настоящемъ собраніи Высочайше утвержденному въ 26-й день августа сего года проекту измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ академій „распредѣленіе между студентами синодальныхъ и частныхъ стипендій“ отнесено къ дѣламъ академическаго Правленія, представляемымъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея,—представленный комиссіею проектъ передать на разсмотрѣніе Правленія Академіи.

XXII. Имѣли сужденіе о выдачѣ студентамъ IV, III и II курсовъ, за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году, *денежныхъ наградъ* изъ процентовъ съ пожертвованныхъ на сей предметъ капиталовъ.

Справка: 1) По смѣтѣ доходовъ и расходовъ на содержаніе Московской Духовной Академіи въ 1911 году ассигновано, между прочимъ, на награды студентамъ изъ процентовъ съ благотворительныхъ капиталовъ—165 рублей.—2) По §§ 110 лит. б. п. 12 устава духовныхъ академій—„присужденіе студентамъ премій за сочиненія и другихъ наградъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Денежныя награды за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году назначить слѣдующимъ студентамъ: IV курса: *іеродиакону Варооломею* (Ремову)—20 рублей, *Мигулину* Александру—

15 рублей, *Голованенко* Сергѣю и *Муратову* Василию—по 10 рублей каждому; III курса: *Андрееву* Ѳедору—20 рублей, священнику *Чернову* Іоанну—15 рублей, *Архангельскому* Алексѣю и *Кряжимскому* Александру—по 10 рублей каждому; II курса: *Садковскому* Георгію—20 рублей, *Плотникову* Александру—15 рублей, *Соколову* Михаилу (Моск.) и *Струмицкому* Михаилу—по 10 рублей каждому, всего—165 рублей.—2) Постановленіе сіе представитъ предварительно на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Окт. 8. По ст. VI. Ходатайствовать. По ст. VII. И. д. помощника бібліотекаря *Боткинъ* увольняется, согласно его прошенію, отъ должности; объ іеромонахѣ *Игнатіи* заготовитъ представленіе въ Св. Синодъ.—По ст. VIII. Постановленіе Совѣта утверждается. XII. Въ виду болѣзненнаго состоянія студента *Мацкевича* разрѣшается ему жить на частной квартирѣ. По ст. XV. Ходатайствовать. Прочее смотрѣно и утверждается“.

22 сентября 1911 года.

№ 21.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, и. д. Инспектора—ординарный профессоръ А. И. Введенскій, ординарные профессора А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ, экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, М. М. Богословскій, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ.

Слушали: Предложеніе И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина:

„Въ виду приближающагося академическаго праздника честь имѣю предложить Совѣту Академіи войти въ разсужденіе объ избраніи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ Св. Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“.

Справка: 1) По § 10 устава духовныхъ академій—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава.—2) По § 110 лит. в. п. 1 того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи почетныхъ членовъ Академіи:

1) Высокопреосвященнаго *Инокентія*, Экзарха Грузіи, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, Члена Святѣйшаго Синода,—во уваженіе къ его просвѣщенной Архипастырской дѣятельности, учено-литургическимъ и проповѣдническимъ трудамъ;

2) Высокопреосвященнаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, Члена Святѣйшаго Синода,—во уваженіе къ его просвѣщенной Архипастырской и миссіонерской дѣятельности, плодотворному служенію на пользу духовнаго образованія и учено-богословскимъ трудамъ;

3) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Дмитріевича *Бѣляева*,—во уваженіе къ его тридцатипятилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области православной догматики и апологетики;

4) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Николая Александровича *Заозерскаго*,—во уваженіе къ его свыше-тридцатилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области православнаго церковнаго права;

5) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Митрофана Дмитріевича *Муретова*,—во уваженіе къ его свыше-тридцатилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области толкованія Священнаго Писанія и въ переводѣ святоотеческихъ твореній.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Окт. 8. Ходатайствовать“.

19 октября 1911 года.

№ 22.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, ординарные профессеры—А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессеры—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и священникъ Е. А. Воронцовъ.

Отсутствовали: ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессеры—П. П. Соколовъ, М. М. Богословскій, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 21. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 сентября за № 12553:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 2 Сентября сего года за № 2638, журналъ Учебнаго Комитета, № 511, по прошенію бывшаго студента IV курса Московской духовной академіи Максимилиана Труфанова о разрѣшеніи ему держать выпускныя академическіе экзамены осенью 1911—12 учебнаго года. Приказали: Не усматривая основаній къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства бывшаго студента Московской духовной академіи Максимилиана Труфанова, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Труфанова въ число академическихъ студентовъ IV курса; о чемъ, для зависящихъ распоряженій и объявленія просителю, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Бывшій студентъ Максимилианъ Труфановъ принять обратно въ число студентовъ IV курса Академіи, съ начала 1911—1912 учебнаго года, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Академіи отъ 16 марта 1911 года.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 27. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября за № 12864:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 сентября сего года, № 352, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи принять въ число казеннокоштныхъ студентовъ I курса Московской духовной академіи успѣшно выдержавшихъ пріемныя испытанія имѣющихъ жевъ священниковъ *Іоанна Архангельскаго и Θεодора Делекторскаго*, съ предоставленіемъ имъ, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ и получать помѣсячно на руки казенныя стипендіи. Приказали: Признавая настоящее ходатайство Вашего Преосвященства заслуживающимъ удовлетворенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять священниковъ *Іоанна Архангельскаго и Θεодора Делекторскаго* въ текущемъ учебномъ году въ число казеннокоштныхъ студентовъ академіи, предоставивъ имъ проживать съ своими семействами, во время обученія въ академіи, на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ и получать на руки помѣсячно казенныя стипендіи; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 30. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 сентября за № 13023:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 21 Сентября сего года за № 2937, журналъ Учебнаго Комитета, № 592, по прошенію преподавателя Краснослободскаго духовнаго училища *Валентина Метал-*

лова о принятіи его въ число студентовъ Московской духовной академіи безъ экзамена. Приказали: Принимая во вниманіе, что студентъ Пензенской духовной семинаріи Валентинъ Металловъ въ 1893 году былъ рекомендованъ Правленіемъ названной семинаріи для поступления въ число студентовъ академіи, и имѣя въ виду продолжительную усердную службу Металлова по духовному вѣдомству, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: примѣнительно къ § 140-му Высочайше утвержденнаго 2 Апрѣля 1910 года Устава духовныхъ академій, разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Металлова въ число студентовъ I курса академіи безъ экзамена; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Прошеніе учителя Краснослободскаго духовнаго училища, Пензенской епархіи, *Валентина Металлова*:

„Опредѣленіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 27-го Сентября сего 1911 года за № 7249, Совѣту Московской Духовной Академіи разрѣшено принять меня въ число студентовъ I курса безъ экзамена.

Въ виду постигшей меня болѣзни, требующей оперативнаго леченія, а послѣ—продолжительнаго режима (6—7 мѣсяцевъ), исключаящаго условія сидячаго образа жизни, смѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи о предоставленіи мнѣ права явиться къ занятіямъ въ Академію по выздоровленіи.

При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи, выданное Краснослободскимъ Городскимъ Врачемъ г. Матвѣевымъ“.

в) Приложенное къ означенному прошенію свидѣтельство Краснослободскаго городского врача Ф. Матвѣева, отъ 4 октября 1911 года:

„По личной просьбѣ мною дано сіе свидѣтельство учителю Краснослободскаго духовнаго училища, Пензенской губерніи, Валентину Дмитріевичу Металлову въ удостовѣреніе того, что онъ обращался ко мнѣ за врачебною помощью, жалуясь на кашель, боли въ груди, одышку, частыя кровотечения изъ прямой кишки и общую слабость.

При объективномъ изслѣдованіи мною найдено у него слѣдующее: общее питаніе понижено, въ верхушкѣ праваго лег-

каго притупленіе и выдыхъ, рѣзкая возбудимость сердечной дѣятельности, общая нервная раздражительность и расширение венъ прямой кишки, съ выхожденіемъ наружу шишекъ, изъ которыхъ бывають частыя и значительныя кровоте-ченія.

Въ виду вышеизложеннаго, я заключаю, что учитель В. Д. Металловъ страдаетъ катарромъ верхушки праваго легкаго, неврастеніей и геморроемъ; а потому нахожу, что ему необходимо подвергнуться оперативному леченію, послѣ котораго слѣдуетъ заняться возстановленіемъ организма режимомъ, діетой, лекарственными препаратами и избѣгать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ занятій, требующихъ сидячаго образа жизни“.

Опредѣлили: Въ виду постигшей учителя Краснослободскаго духовнаго училища *Валентина Металлова* болѣзни, требующей продолжительнаго леченія, зачислить г. Металлова, согласно указу Святѣйшаго Синода за № 13023, въ списки студентовъ I курса Академіи, безъ экзаменовъ, съ начала будущаго 1912—1913 учебнаго года.

IV. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью „1911 г. Окт. 8. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4 октября за № 13407:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 Сентября сего года № 351, съ ходатайствомъ а) о разрѣшеніи примѣнить къ студентамъ настоящаго IV курса Московской духовной академіи требованія, изложенныя въ новой редакціи §§ 130 и 131 академическаго устава, Высочайше одобренной 29 Іюля сего года, лишь частію, по мѣрѣ возможности, не обяывая ихъ изученіемъ всѣхъ предметовъ, только нынѣ признанныхъ общеобязательными, по уставу же 1910 года отнесенныхъ къ разряду групповыхъ, и б) о разрѣшеніи поручить преподавателямъ названной академіи по 1-мъ кафедрамъ: *патрологии*—экстраординарному профессору *Ивану Попозу* и *Священнаго Писанія Ветхаго Заветъа*—п. д. доцента священнику *Димитрію Рождественскому* прочесть въ 1911—12 учебномъ году студентамъ III курса вторья половины курсовъ по означен-

нымъ предметамъ (взамѣнъ отсутствующихъ преподавателей по вторымъ кафедрамъ), съ назначеніемъ имъ трехъ лекцій въ недѣлю и производствомъ, на основаніи § 87 устава духовныхъ академій, дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ жалованья доцента академіи. Приказали: Выслушавъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства и не встрѣчая препятствій къ удовлетворенію изъясненнаго въ ономъ ходатайства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи 1) примѣнить къ студентамъ настоящаго IV курса оной изложенныя въ новой, Высочайше одобренной 29 Іюля сего года, редакціи §§ 130 и 131 академическаго устава требованія лишь частію, по мѣрѣ возможности, не обязывая означенныхъ студентовъ къ изученію всѣхъ предметовъ, нынѣ признанныхъ общеобязательными, по уставу же 1910 года отнесенныхъ къ разряду групповыхъ, и 2) поручить профессору Ивану Попову и и. д. доцента священнику Димитрію Рождественскому прочитать въ 1911—12 учебномъ году студентамъ III курса Московской академіи вторыя половины курсовъ по патрологіи и Св. Писанію Ветхаго Завѣта на изъясненныхъ въ представленіи Вашего Преосвященства основаніяхъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

6) Представленныя, по предложенію И. д. Ректора Академіи—профессора А. Шостыина, экстраординарнымъ профессоромъ *И. В. Поповымъ* и и. д. доцента священникомъ *Д. В. Рождественскимъ* программы чтеній и практическихъ занятій на 1911—1912 учебный годъ по вторымъ половинамъ курсовъ патрологіи и Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ руководству и исполненію, сообщивъ содержаніе онаго, для зависящихъ распоряженій, — Правленію Академіи.—2) Представленныя временными преподавателями патрологіи и Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта—экстраординарнымъ профессоромъ *И. В. Поповымъ* и священникомъ *Д. В. Рождественскимъ*—программы чтеній и практическихъ занятій на 1911—1912 учебный годъ—утвердить къ исполненію.

V. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 1 сентября, № 19: „1911 г. Сент. 23. По ст. VII. Готовъ ходатайствовать. Прочее читано и утверждается“.

б) 22 сентября, № 20: „1911 г. Окт. 8. По ст. VI. Ходатайствовать. По ст. VII. И. д. помощника библиотекаря Боткинъ увольняется, согласно его прошенію, отъ должности; объ іеромонахѣ Игнатіи заготовить представленіе въ Св. Синодъ.—По ст. VIII. Постановление Совѣта утверждается. XII. Въ виду болѣзненнаго состоянія студента Мацкевича разрѣшается ему жить на частной квартирѣ. По ст. XV. Ходатайствовать. Прочее смотрѣно и утверждается“. —

в) 22 сентября, № 21: „1911 г. Окт. 8. Ходатайствовать“.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.—2) Объ увольненіи отъ службы при Академіи и. д. помощника библиотекаря Николая *Боткина* и разрѣшеніи жить на частной квартирѣ студенту IV курса Академіи Іосифу *Мацкевичу* сообщить, для зависящихъ распоряженій,—Правленію Академіи.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія:

а) на журналѣ собранія Правленія Академіи 15 сентября, № IX: „1911 г. Сент. 27. Студентовъ семинаріи: Любимова, Петрова и Смирнова разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій на основаніяхъ, изложенныхъ въ 150 § Академическаго Устава“.

б) на представленіи И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, отъ 29 сентября за № 601, по прошенію студента Московской духовной семинаріи Николая Піуновскаго: „1911 г. Окт. 3. Разрѣшается допустить Піуновскаго къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ вольнослушателя“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

VII. а) Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 27. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 20 сентября за № 4879:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Высокопреосвященства отъ

10 сего сентября за № 342 честь имѣю сообщить слѣдующее по вопросу о зачисленіи поручика А. Симанскаго въ составъ студентовъ Московской Духовной Академіи.

Поручикъ А. Симанскій, окончившій курсъ, какъ видно изъ его документовъ, во 2-мъ Московскомъ Императора Николая I кадетскомъ корпусѣ и въ Александровскомъ военномъ училищѣ по 2-му разряду, былъ допущенъ къ приемнымъ испытаніямъ по телеграммѣ Высокопреосвященнаго Сергія, Архіепископа Финляндскаго, въ которой было сказано, что Св. Синодъ допустилъ Симанскаго къ приемнымъ экзаменамъ. На приемныхъ испытаніяхъ онъ получилъ слѣдующіе баллы:

а) на устныхъ: по Св. Писанію Новаго Завѣта 3 (3 и 3=), по догматическому богословію 3, по всеобщей церковной исторіи 3—, по латинскому языку 3=;

б) на письменныхъ: по основному богословію 3—, по литературѣ 3 и по поученію 3, 50.

Второе экзаменаціонное сочиненіе писалось на тему по исторіи философіи, Симанскому же, въ виду того, что онъ не изучалъ философскихъ предметовъ, для второго сочиненія была дана тема по исторіи литературы.

На повѣрочномъ экзаменѣ по латинскому языку поручикъ Симанскій заявилъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ онъ не изучалъ этого предмета, но отчасти знакомъ съ нимъ по домашней подготовкѣ; на испытаніи же по сему предмету оказалось, что Симанскій не зналъ ни склоненій, ни спряженій латинскихъ; экзаменаціонная коммиссія, въ составъ которой входили Ректоръ Академіи Епископъ Алексій, инспекторъ Архимандритъ Анастасій, проф. П. Пономаревъ и и. д. доцента П. Верещацкій, послѣ краткаго совѣщанія,—принявъ во вниманіе, что поручикъ Симанскій письменно заявилъ, что онъ желаетъ поступить на миссіонерское отдѣленіе Академіи, студенты какового отдѣленія освобождаются отъ изученія латинскаго языка, а также исторіи философіи, педагогики, систематической философіи, логики, исторіи и обличенія русскаго раскола и русскаго сектанства, и что на это отдѣленіе принимаются безъ экзамена лица въ священномъ санѣ, окончившія курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ даже по второму разряду,—нашла возможнымъ поставить Симанскому наименьшій удовлетво-

рительный балль—3=, чтобы не лишать его возможности поступить на миссіонерское отдѣленіе.

Справка: Поручикомъ А. Симанскимъ 25 Августа было сдѣлано письменно слѣдующее заявленіе: „Честь имѣю просить Совѣтъ Казанской Духовной Академіи въ случаѣ если я буду принять въ Академію зачислить меня на миссіонерское отдѣленіе“.

Совѣтъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго августа, по обсужденіи результатовъ приемныхъ испытаній, относительно поручика Симанскаго постановилъ: допустить его къ слушанію лекцій на миссіонерское отдѣленіе, въ сужденіе же о приемѣ его въ число студентовъ Академіи не входитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ отъ своего начальства приказа объ увольненіи его отъ службы“.

6) Прошеніе поручика Андрея *Симанскаго*:

„Не находя возможнымъ вторично въ этомъ году подвергать себя экзаменаціоннымъ испытаніямъ, имѣю честь просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи сохранить мнѣ и на будущій годъ право подвергнуться приемнымъ испытаніямъ на основаніи указа Святѣйшаго Синода“.

Справка: 1) Утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 22 сентября сего года поручику Андрею Симанскому предложено—„въ случаѣ желанія поступить въ число студентовъ *Московской Духовной Академіи*, въ точности выполнить требованія, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 11 августа сего 1911 года за № 5937, и при *Московской* же Духовной Академіи сдать повѣрочныя испытанія по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ § 143 устава духовныхъ академій 1910 года, не исключая и испытанія по одному изъ древнихъ языковъ“.—2) По § 137 устава духовныхъ академій (въ новой его редакціи) къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются, кромѣ студентовъ духовныхъ семинарій, также „имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищъ“.

Опредѣлили: 1) Увѣдомить поручика Андрея *Симанскаго*, что, какъ окончившій курсъ военнаго училища (Александровскаго), онъ нынѣ имѣетъ право держать повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію на общихъ основаніяхъ